

Галина Тимошенко

Елена Леоненко

ФУГА

С

ВАРИАЦИЯМИ

Галина Тимошенко
Фуга с вариациями

«Издательские решения»

Тимошенко Г.

Фуга с вариациями / Г. Тимошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968269-7

С известной актрисой Кирой Бестеновой происходит странное событие. Казалось бы, ничего особенного — но последствия этого события порождают такое количество тайн, загадок инеожиданностей, что кажется невозможным собрать из всех этих непонятных событий что-то целое, чтобы продолжать жить.

ISBN 978-5-44-968269-7

© Тимошенко Г.
© Издательские решения

Содержание

СОБЫТИЕ	6
РОЗЫГРЫШ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фуга с вариациями

Галина Тимошенко

Елена Леоненко

© Галина Тимошенко, 2019

© Елена Леоненко, 2019

ISBN 978-5-4496-8269-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фуга – от латинского «fuga» (бегство).

***В музыке – последовательное повторение одной музыкальной темы
несколькими голосами***

СОБЫТИЕ

17 октября

Начавшаяся в районе полуночи съемка все-таки подошла к концу. Изначально планировалось, что два прохода по набережной и два разговора – прямо у парапета на фоне Дома музыки и где-то посреди домов и деревьев – будут отсняты часа за четыре, однако час, отведенный на всякие ожидаемые накладки, начал стремительно удлиняться и быстро превратился в четыре. Сперва у осветителей прочно вышел из строя какой-то жутко важный прибор, и его всем миром пытались уговорить в строй вернуться. Потом гример ухитрилась опрокинуть свой импровизированный столик, и пришлось (опять-таки всем миром) разбираться в обсыпанном пудрой хаосе коробочек и кисточек и мыть упавшие прямо на асфальт кисточки и спонжи. Потом у актера, появившегося на съемке через час после окончания двенадцатичасовой смены на каком-то другом фильме, отчаянно разболелась голова, и администратор сломя голову понесся на поиски ближайшей круглосуточной аптеки... Все запланированные накладки, разумеется, тоже случились, и в итоге страстно желаемая всем трудовым коллективом фраза «Всем спасибо!» прозвучала уже под заметно посветлевшим небом.

Кира смачно выдохнула, изо всех сил потрясла головой и полезла за шиворот блузки отдирать намертво приклеившийся прямо к коже крохотный микрофон. К ней тут же подлетел звукооператор (он же «чебурашка») и изъявил полную готовность помочь в этом волнительном процессе.

– Брысь, – невозмутимо сказала Кира, сопроводив неласковую реплику своей фирменной улыбкой – одновременно соблазнительной, хитрящей и трогательной.

«Чебурашка» с видимым сожалением отправился на помощь актеру, который, чертыхаясь, отковыривал такой же микрофон от волосатой груди. Кира, поморщившись, оторвала все-таки приставучий приборчик от кожи, измученной звукооператорским скотчем и ночным холодным ветром, вытащила из-за пояса джинсов увесистую «базу», передающую сигнал с микрофона, наскоро намотала на нее провод от микрофона и бросила все это хозяйство на «чебурашкин» пульт.

Вокруг все привычно-торопливо собирали обильное съемочное хозяйство в кофры, коробки, сумки и прямо в багажники машин, не обращая внимания друг на друга. Кира огляделась в поисках гримерского чемодана и, высмотрев знакомый серебристый «кирпич», двинулась к нему. Гример Анечка – умильная тридцатилетняя топотушка с большущими круглыми глазами, из-за дальнорезких очков напоминавшими о героинях японских анимэ – тут же вынырнула откуда-то из-за заляпанной еще сентябрьской грязью «Газели»:

– Кира, вы, наверное, влажные салфеточки хотите?

Кира сейчас больше всего на свете хотела именно влажные салфеточки, чтобы отскрести с лица тональный крем вместе с миллионом слоев пудры, но совершенно не хотела, чтобы ее называли Киной. Правда, Анечка не так давно появилась в съемочной группе их долгоиграющего сериала и пока еще имела право этого не знать.

...Кира терпеть не могла свое имя, вполне способное обозначать особь и женского, и мужского пола. Конечно, оно было все-таки чуть-чуть лучше Саши, Вали или Жени – там-то совсем беда. Тем не менее возненавидела его Кира еще в школе – как только обнаружила, что с абсолютной очевидностью относится к девочкам, а никак не к мальчикам. С этим надо было немедленно что-то делать, и Кира начала искать приемлемые варианты.

Долгое время ничего подходящего не приходило ей в голову и не находилось ни в словах, ни в прочих книгах. Венгерские, польские и прочие славянские Киры звались совсем уж невкусно – Цирилами, Цирушами и даже Цирыльками, – а в большинстве европейских языков

девочек-Кир не существовало в принципе. Самым благозвучным можно было считать Киру французскую – Сириэль, но даже в нежном десятилетнем возрасте Кира сумела догадаться, что это будет, пожалуй, явным перебором. «Зовите меня Сириэль»... Да уж.

Так она промаялась до восьмого класса, когда ее вдруг обуял интерес к музыке. Собственно говоря, она и родилась-то в музыкальной семье: мама – педагог по вокалу, папа – сто восемнадцатая, но очень увлеченная скрипка в каком-то оркестре. Соответственно, все друзья семьи принадлежали к тому же музыкальному кругу, не лишённому своего особого снобизма, однако до пятнадцати лет Кире как-то удавалось противостоять родительским стремлениям приобщить ее к делу их собственной жизни.

А в пятнадцать она вдруг услышала вагнеровский «Полет валькирий». То есть, конечно же, она и раньше это слышала, но... Видимо, все-таки не слышала. А теперь музыка потрясла Киру настолько, что она забила всю память своего плеера этим треком, бесконечно заканчивавшимся и начинавшимся снова.

Словом, Вагнер пробил внушительную брешь в ее обороне против музыкального воспитания, хотя до музыкальной школы она так и не дозрела: решила, что поздно. Родители страстно убеждали ее в обратном, но Кира была неумолима. Тем не менее, все тот же Вагнер неожиданно приохотил ее к тому, чем она до сих пор продолжала самозабвенно заниматься.

Но главное озарение случилось много раньше. По счастливому стечению обстоятельств, папу Киры звали Валентином, и вариант «Валь-Кир-ия» показался ей просто-таки сногшибательно прекрасным.

Оставалось придумать, как ненавязчиво ввести в обиход окружающих ее новое имя. И новоявленная Валькирия так увлеченно разрабатывала сценарии, придумывала мизансцены и репетировала их перед зеркалом, что спустя два года ей уже и задумываться не пришлось, куда идти учиться. Нельзя сказать, что дочь-актриса была именно той дочерью, о которой мечтали ее родители, но актерство все-таки казалось им более приемлемым, чем, скажем, юриспруденция или ветеринария: все-таки хоть какое-то отношение к творчеству дитя будет иметь.

В общем, и профессией, и главным увлечением, и даже собственным любимым именем Кира была обязана исключительно Вагнеру. К слову сказать, вся прочая вагнеровская музыка ей не нравилась категорически...

...Кира затаенно-удовлетворенно улыбнулась, услышав, как кто-то из осветителей шикнул на Анечку и быстро забормотал что-то ей на ухо, настороженно косясь в Кирину сторону. Было забавно наблюдать, как Анечкины глаза, и без того выглядевшие огромными, еще больше округлялись, пока техник ее вразумлял. Можно было не сомневаться, что гример еще долго не рискнет выговорить вслух обязательную «Валькирию», но рано или поздно это непременно произойдет – в этом Кира не сомневалась ни секунды: в этой съемочной группе ее любили (как, собственно, и во всех предыдущих). Даже с самым юным и бестолковым ассистентом, которому еще ничего не доверяли, кроме «хлопушки», она была мила, никаких капризов на площадке себе не позволяла и не давала никому повода заподозрить, что она сама отчаянно хочет быть Валькирией, а не Кирой. Наверное, поэтому «Валькирию» ей не просто прощали: все кругом воспринимали возможность так ее называть знаком приближенности к ее знаменитому и прекрасному телу.

Кира тщательно оттерла все слои тона и пудры, не тронув макияжа на глазах: домой она собиралась идти пешком, а на улицы уже выбирался спешащий на работу народ. Негоже любимице зрителей представлять перед поклонниками черт знает в каком виде. Вообще-то обычно ей было плевать, как она выглядит вне съемочной площадки – просто сегодня случилось такое настроение, что хотелось пройтись по набережной красивой и с печально-усталыми глазами.

Ее партнер, режиссер и еще несколько обремененных автомобилями членов съемочной группы уже рванули домой, а она, прилежно выкинув в огромный мусорный мешок пучок

испачканных салфеток, наконец распрощалась с оставшимися и двинулась по набережной, провожаемая истошным воплем костюмера:

– Валькирия, дорогая, не забудьте: вечером у вас первая сцена в этой же одежде!

... Кира не спеша шла по набережной, жадно выискивая за каменными зарослями другого берега признаки пробуждающегося солнца. Небо было ясным, ветер, всю ночь изводивший съемочную группу, к утру стих – да и гонять ему по небу было нечего: ни одного облачка над Москвой не наблюдалось. Можно было надеяться, что варвары-дворники еще не успели сгрести листву, снесенную ночным ветром, в унылые кучи. Может, удастся даже погулять по шелестящим листьям, когда Кира поднимется с набережной по крутой лесенке, ведущей в сторону Крутицкого подворья, а заодно и Кирино дома...

Все вышло именно так, как она мечтала: дворники то ли еще не встали, то ли гребли листья где-то в другом месте, и дорожка по верху склона над набережной была пестро-оранжевой и шуршавшей. Кира с детским энтузиазмом шаркала подошвами ботинок по асфальту, взвихривая листовые волны и наслаждаясь их хрустящим шумом. Давным-давно она завела себе правило подниматься на свой седьмой этаж исключительно пешком независимо от наличия сил, тяжелой поклажи или спешки. Но сейчас она не спешила приступить к обязательным упражнениям: внезапно навалилась усталость, усиливаемая невеселым предвкушением очередных вечерних съемок. Кожа, измученная кистями гримера, зудела, а теплые ботинки, казалось, уже просто жгли ступни.

Это, конечно, не повод нарушать собственную внутреннюю конституцию, но перед восхождением на тринадцать пролетов имеет смысл собраться с силами.

И Кира присела на лавочку. Не так давно набережную – а точнее, склон над ней, где выселись рядком девятиэтажные башни – вполне прилично обиходили, и теперь она выглядела вполне по-европейски: чистые симпатичные лавочки, прогуливающие своих питомцев собачники, густая растительность вокруг аккуратных беседок...

Она блаженствовала, подставляя лицо царившему вокруг холодному безветрию. Со стороны моста донесся перезвон колоколов: видимо, в Новоспасском монастыре звонили к заутрене. Кира закрыла глаза, пытаясь услышать в перезвоне новую, незнакомую тему. Это было ее обычной игрой: в каком-нибудь повседневном звуке поймать то, что потом создаст «портретную мелодию» – она так это называла. Слышишь, скажем, доносящиеся из квартиры сверху звуки работающей стиральной машины, а потом играешь на рояле нечто в ритме стирки на тему «делаем чистоту». Ну или что-то в этом роде. Это уже много лет было ее любимым развлечением. А может быть, даже не развлечением. В общем, чем-то очень важным и радостным.

Сейчас ничего нового поймать не удалось: на теплый, густой, гулкий звон внезапно наложились отдаленные шаги еще одного любителя шуршать опавшими листьями.

Шаги приближались, постепенно перекрывая производимым шорохом голос монастыря. Кира не позволила себе открыть глаза и посмотреть на единомышленника: пусть лучше споконенько пройдет мимо – тем более, что ее щеки уже ощущали едва заметное прикосновение первых солнечных лучей.

Она про себя досадливо поторапливала шаги, но они внезапно замедлились – и, как на грех, прямо перед ней.

Не пронесло. Сейчас будет какой-нибудь восторженный возглас «Ой, это вы?!», и придется улыбаться очередному поклоннику, жаждущему соприкосновения с сидящим на набережной прекрасным. Рывкнуть «Проходите уже, не заслоняйте солнце»? С поклонниками ссориться нельзя, это закон. А так хочется...

И Кира нехотя открыла глаза.

Над ней возвышался длинный (продолжающийся почти до верхушек молодых березок на другой стороне дорожки, как показалось ей, сидящей), очень худой человек с аскетичным лицом. Кира по привычке примерила его внешность на возможные роли и решила, что он

мог бы сыграть в любом костюмном фильме – что-нибудь вроде серого кардинала, или Савонаролы, или главного волшебника, или демона...

Длинный смотрел на нее спокойно, без какого бы то ни было восторга, зато с непонятным сочувствием. По всему было понятно, что просто так он не уйдет: разговаривать все-таки придется.

– Разрешите сказать пару слов? – и он галантно склонил голову.

Кира тренированно улыбнулась, ласково кивнула, но ни на миллиметр не подвинулась на скамейке, чтобы длинный смог сесть.

А нечего. Стоя скажет пару слов, а сидя – еще неизвестно...

– Если вас не пугает вид актрисы с поблекшим после ночной съемки гримом – разрешаю.

Длинный пренебрежительно поморщился:

– Ну что вы, ваш грим не имеет к вам никакого отношения.

Не слишком понятно, но лучше предположить, что это было задумано как приятные слова.

– Собственно говоря, все ваше актерство не имеет к вам никакого отношения.

Это еще что такое?!

Кира почувствовала, как внутри мгновенно разлился тревожный холод. Так было с самого детства: когда кто-то говорил ей что-то обидное или просто неприятное, она не успевала разозлиться. Сначала был вот этот холод. Начинали мерзко подрагивать коленки, и она в ту же секунду верила в то, что сказанное и есть правда. Это потом она начинала думать, соглашаться или не соглашаться, злиться, соображать, что с этим делать, и совершать прочие осмысленные внутренние действия. А вначале всегда был холод, и она ненавидела себя за него. Ей казалось, такая реакция означает, что она вся до последней своей клеточки жаждет только бурных, продолжительных оваций. Поэтому она никогда не читала ничего о себе – ни в Интернете, ни где-то еще. То есть совсем ничего – ни ругательного, ни хвалебного.

Она даже не успела скептически вздернуть брови, как длинный уточнил – без всякой, надо сказать, поспешности:

– Нет-нет, я не хочу сказать, что вы плохая актриса – ни Боже мой. Вы великолепная актриса. Только это не ваше.

Внезапно Кире показалось, что контур длинного (теперь он стоял на фоне постепенно разливающегося розово-золотого сияния решившего-таки взойти солнца) как-то странно зазмеился. Теперь ее собеседник выглядел словно бы обведенным легким мерцанием.

Это ей совсем не понравилось. Холод тоже никуда не уходил.

Длинный начал нервно расхаживать перед продолжавшей молчать Кирой.

– Послушайте, я смотрел один ваш фильм... По-моему, это были «Песни разводящихся». Помните, вы там играете на рояле? Я музыкант...

Вообще-то могла бы и сама догадаться: потусторонний вид, лицо, явственно демонстрирующее сопричастность высшим материям, недоступным всем, кто не способен отличить музыку Лютославского от музыки Шнитке... Сейчас, небось, начнет говорить, что дилетанту не стоит издеваться над тем, чему люди жизнь посвящают. Слышали. И не однажды.

Длинный, видимо, по-своему истолковал проступивший на Кирином лице скепсис и добавил в свой тон еще чуточку убедительности:

– Я хороший музыкант, Кира. Простите, я не знаю вашего отчества...

Она легонько мотнула головой – вот еще, какое там отчество!

– Спасибо. Так вот я уверен, что вы импровизировали – причем в тот самый момент, когда играли. Более того, я уверен: если бы в фильм вошли все дубли, которые вы сняли – всюду музыка была бы разной. Это так?

Ничего себе, какой догадливый...

Огромные – чуть навывкате, как у восточных мужчин – темные глаза длинного полыхнули гордостью:

– Можете не отвечать, я все понял. Я прав. Тогда еще одно предположение: мне показалось, вы играли своего рода... портрет, что ли... человека, который играл с вами в той сцене.

Силуэт длинного зазмеился чуть сильнее, но Кире это уже не мешало – слишком уж стало интересно:

– Ну да, я с ним разводилась, а в этой сцене вдруг поняла, что...

– Нет-нет, – досадливо поморщился длинный. – Вы сейчас говорите о персонаже, а я – об актере...

Кире пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы прийти в себя.

– Не удивляйтесь. Я просто несколько раз сталкивался с этим актером, и у меня есть свое представление о нем. Он... – и длинный тонко усмехнулся, – он, скажем так, не очень похож на персонажа, которого играл в том фильме. Так вот то, что вы играли, не имело отношения к персонажу. Музыка не подходила. Понимаете, настроение не сходилось! Вы играли то, как относитесь именно к актеру.

Окончательно забыв про привычное актерское «держать лицо», Кира тихонько выругалась – то ли восхищенно, то ли ошеломленно.

Длинный внимательно посмотрел на нее и покачал головой:

– Вы сейчас будете удивляться – дескать, тогда никто этого не понял, даже режиссер, а режиссер был хороший, по-настоящему хороший. А тут пришел какой-то странный мужик и вдруг все понял. Не удивляйтесь, дело сейчас не в этом.

Его голос вдруг стал доноситься до нее так гулко, будто в монастыре снова зазвонили колокола, и звонили эти колокола словами длинного.

– Дело в том, – неумолимо продолжал длинный, наклонившись ближе к Кириному лицу, – что вы даже не понимаете меры своего таланта. Вы прекрасная актриса, спору нет, но ваше актерство по сравнению с вашим музыкальным талантом – это как... ну не знаю... как рисунок одаренного первоклашки по сравнению с росписью Сикстинской капеллы.

– Спасибо, конечно... – подавленно пробормотала Кира, но продолжить длинный ей опять не дал:

– Не гневите судьбу! Ну поверьте же мне, это просто опасно! Судьба охраняет свои дары...

Теперь его голос казался Кире совсем странным: будто бы колокола грохотали совсем рядом, а она сама была завернута в толстый слой ваты и не разбирала ни слова. Лицо длинного придвигалось все ближе и ближе, змеилось все сильнее и сильнее...

От ужаса Кира на секунду зажмурилась, а когда снова открыла глаза, длинного рядом не было. Колокольный звон сразу отдалился, начал стихать и довольно скоро совсем истаял. Наступила тишина.

Кира растерянно огляделась.

Никого. То есть вообще ни одного человека.

Ну не мог же этот сумасшедший длинный просто растаять в воздухе вслед за колоколами!

И уйти бесшумно он никак не мог: дворники так пока и не вышли на промысел, и все кругом было завалено сухими листьями.

Она огляделась.

Путь к двум подъездам, видимым от ее лавочки, тоже пролегал по целому морю листьев и никак не мог быть преодолен длинным беззвучно. Да и вроде бы ни один домофон не пищал и ни одна дверь не хлопала...

Кира вышла на дорожку между лавочкой, где только что сидела, и круто уходящим вниз, к реке склоном. Посмотрела направо, налево...

Никого.

Черт возьми, что это такое было?!

РОЗЫГРЫШ

21 октября

...И кто у нас умница? Да еще какая умница – будто заранее знала! Сейчас эти паршивцы появятся и все расскажут, никуда не денутся. Это же надо, сплошные музыканты, не имеющие отношения к реальности – а какую штуку учинили...

С самого вторника Кира, расpiraемая предвкушением развязки, боролась с собой. С одной стороны, она была абсолютно уверена, что давешнюю встречу с полусумасшедшим поклонником ее музыкальных талантов организовали ее друзья детства: все их общение с ней в последние годы давало для такой уверенности стопроцентные основания. С другой стороны, ей приходилось все время лупить себя по рукам, чтобы не позвонить кому-нибудь из них и не начать взахлеб рассказывать об оглушительном успехе их сомнительного предприятия: нечего баловать их нахальные, самоуверенные, гениальные физиономии.

...Их дружбу можно было бы, наверное, назвать династической. Или династическими бывают только браки? Да ладно, какого черта, будем считать, что дружба тоже бывает династической. Их родители дружили еще со студенческих времен, а Кирины предки вообще знали Петькиных еще с музыкальной школы. Стая музыкантов-родителей породила стаю детей, которые с младенчества росли такими же свихнувшимися на музыке.

Ну хорошо, не все дети свихнулись еще в пеленках: сама-то Кира продержалась аж до пятнадцати, но все равно потом свихнулась тоже. Правда, дружила она со свихнувшимися ранее тоже с пеленок – хотя и не исключено, что вынужденно. Но как бы то ни было, общаться с одноклассниками ее всегда тянуло куда меньше: дети музыкантов из-за своей увлеченности казались ей более занимательными объектами для исследования. Правду сказать, нравилось ей и то, что в этой компании мальчишек было трое, а девочек – всего две: это давало ее рано обнаружившей себя женственности несколько больше возможностей развернуться.

Их братство существовало в безоблачном режиме вплоть до самого окончания школы – а точнее, до окончания школы именно Кирой. Все остальные изначально учились в музыкальных школах и с предсказуемой очевидностью поступали в музыкальные вузы разной степени престижности. И хотя Кира в музыкальную школу никогда не ходила, почему-то никто не ожидал, что, подойдя к своему последнему звонку уже в состоянии музыкальной одержимости, она вдруг предпочтет театральное училище и даже с блеском туда поступит. Не то что бы кто-то из друзей расстроился или возмутился – ну актриса и актриса, такие люди тоже попадают, – но с этого момента как-то так сложилось, что любые Кирины суждения о музыке и попытки что бы то ни было делать на этом поприще всерьез не воспринимались.

К сегодняшнему дню все ее друзья находились на совершенно разных уровнях музыкального Олимпа, но саму эту гору никто из них так и не покинул. Выше всех забрался Давид Коидзе – самый старший из всех и самый любимый девушками. Его можно было считать концертирующим виолончелистом, хотя концертировал он вовсе не в Вене, не в Милане и не в Метрополитен-опера.

Следующим в рейтинге успешности шел Алексей, писавший музыку к фильмам и сериалам. Для первых двух сериалов он сочинил несколько восхитительных мелодий, и они, судя по всему, так понравились ему самому, что все последующие мало чем от них отличались. Замечали это все окружающие, кроме самого Алексея и его жены Тамары – музыкального критика. Алексей с Тамарой, второй девушкой их компании, ухитрились пожениться через месяц после выпускного вечера – и через год после того, как Алексей (вслед за остальными двумя парнями в компании) переболел Кирой. Загадочным образом Тамара со дня их свадьбы пылала страстной благодарностью к Кире – видимо, за то, что та никакого женского интереса

к Алексею так и не проявила. Впрочем, чета Ворониных вся насквозь была пропитана странностями – начиная с необъяснимого преклонения талантливой и роскошной Томки перед ее скандальным и самовлюбленным мужем и заканчивая его демонстративным пренебрежением к ней.

Последним членом их пятерки был Петька Соняшин – единственный из троих переболевших, чья влюбленность в Киру за последние двадцать лет не претерпела никаких изменений. После окончания музыкального училища и соответствующего факультета в пединституте он самозабвенно искал таланты, преподавая в обычной детской музыкальной школе и нисколько не сомневаясь, что когда-нибудь ему страшно повезет отыскать гения.

В последние годы встречи пятерки были довольно редкими, и чаще всего их инициатором была, как ни странно, Кира. Остальные – кроме Петьки, конечно, который просто безмятежно радовался каждой встрече с ней, – воспринимали это как должное: видимо, полагали, что таким образом Кира тешит свое чувство острой музыкальной неполноценности.

Вот и к сегодняшней встрече Кира готовила друзей весь последний месяц, заранее обозначив режиссеру, чтобы он даже в кошмарном сне не мог помыслить занять ее в этот день на съемках. И надо же, как пригодилось! Или они специально подгадали свой розыгрыш под сегодняшний симпозиум, чтобы иметь возможность насладиться произведенным эффектом?

Наконец-то завершал домофон, и Кира, уменьшив огонь под казанком с ее фирменным пловом, метнулась к двери.

– Открывай, сова, медведь пришел, – донеслось из белой коробочки.

Кира специально отказалась от участия в затее местных коммунальщиков оснастить все домофоны подъезда видеосвязью: ей хотелось сохранить за собой возможность избавиться себя от вида лиц гостей в тех (нередких, кстати сказать) случаях, когда в домофон звонили ее фанаты. Ее фанатское сообщество частично состояло из гормонально одержимых мужиков разного возраста и разной степени психического нездоровья, поэтому она отнюдь не горела желанием их лицезреть. Своих-то она прекрасно узнавала и по голосу: сейчас сову выкликал, ясное дело, Давид с его гортанным басом.

Три минуты, потребовавшиеся ее гостям, чтобы добраться до двери в квартиру, Кира использовала для того, чтобы придать лицу максимально незаинтересованный (да что там – совсем даже спокойный!) вид: не хотелось с порога начинать тешить самолюбие шутников эффектом их розыгрыша. Пусть сами ищут на ее лице признаки восторга, смятения, страха или что там еще они запланировали. Ни черта они не найдут – актриса она, в конце концов, или зачем?! И неплохая (чего зря скромничать) актриса. И разговор неплохая актриса намерена начать не раньше, чем за чаем, и пусть все хоть лопнут от любопытства.

... Кирина готовка неизменно пользовалась успехом в компании, и народ первым делом рванул к столу. Собственно говоря, заставить их всех собраться в одно время в одном месте чаще всего удавалось за счет именно этой наживки. И то сказать, жизнь каждого из них была крайне далека от вкусной домашней еды. Давид, путешествуя по не самым гастрономически значимым точкам мирового музыкального пространства, питался, конечно, не в вокзальных забегаловках, но точно и не в мишленовских ресторанах. Воронины почитали себя сугубо творческим семейством, и мелкие бытовые радости не входили в круг их жизненных интересов. После того, как однажды Томка попыталась накормить Киру яичницей, пожаренной утром и разогретой вечером в духовке, Кира прониклась острым сочувствием к Алексею. По ее подозрениям, он-то как раз был бы не против тех самых бытовых радостей, но для их получения ему пришлось бы обнаружить перед женой столь низменные пристрастия и тем самым слегка повредить свой собственный возвышенный образ. А про Петьку и говорить нечего: его родители оба разом погибли в автокатастрофе лет десять назад, а жениться он, мучимый постоянным присутствием Киры в его жизни, так и не удосужился. Посему приходилось ему пере-

бываться в основном гамбургерами и пиццей, что без труда читалось по его фигуре, мягко волновавшейся при каждом движении.

Нет, вы только подумайте! Это еще вопрос, кто тут актер... Молчат, как непричастные, никто не проговаривается. А глаза у всех такие честные-честные! Ладно, черт с вами, подождем. Не может же быть, чтобы им так и не стало интересно, что у них получилось!

И Кира, уютно подперев щеку ладонью и то и дело озаряясь бесхитростно-милой улыбкой, слушала бесконечные рассказы гостей об их музыкантских делах. Ее давно уже раздражало (хотя пока еще не до крайности), что почти никогда никто из них не спрашивал, как обстоят дела у нее. Нет, они, как воспитанные люди, слушали, если она сама начинала рассказывать о каких-нибудь хохмах на съемках (и даже не без некоторого любопытства слушали), но сами никогда и ни о чем не спрашивали. Петька – тот, наверное, спросил бы, но он то ли стеснялся своей непреходящей влюбленности, то ли боялся отличиться от всей прочей стаи.

Давид закончил рассказ об очередной пианистке, обломившейся ему на последних гастрольях и потому фантастически сыгравшей вместе с ним трио Бетховена, и неожиданно заметил:

– Что-то сегодня наша Валькирия подозрительно тиха и молчалива. Даже немного странно, что у нас с ней в свое время ничего не получилось: мне вдруг показалось, что из нее вышла бы прекрасная грузинская жена. Может, вернемся в прошлое, дорогая Валико?

– Отвянь, паршивец, – любезно посоветовала Кира. – Дай вас послушать.

– А чего нас слушать? Мы, как всегда, о своем, о девичьем, – пожал плечами Алексей. – Давид – о бабах, которые умеют на чем-то играть и без ума от него, а Петька – о балбесах, которые не желают быть гениями...

Вышеупомянутый Петька, испугавшись, что последует обычное для Алексея продолжение на тему Кириной измены музыке, торопливо вмешался:

– И ничего они не балбесы. Вот как раз сейчас у меня есть один такой парень...

– Ох, перестань, ради Бога! У тебя всегда есть какой-нибудь такой парень. Беда только, что они все оказываются не совсем «такими» парнями, правда? Валькуша, не обращай внимания на этих идиотов, давай свой торт. Ты же пекла торт, правда?

Ну конечно, Тамара в своем репертуаре: всех помирить, всех утешить... И не подумаешь, что эта милашка – тот музыкальный критик, чьи рецензии боятся читать даже самые-самые-самые, которые уже давно ничего не боятся. Кира давно уже подозревала, что Тамара громит всех направо и налево исключительно для того, чтобы на фоне разгромленных ее ненаглядный Алексей выглядел вполне пристойно.

– Томочка, а мы все здесь исключительно пожрать собрались? – с пугающей ласковостью осведомилась Кира, даже не пытаясь встать. – Может, я все-таки хочу послушать? Может, вы уже наконец заговорите?

Тут уж на нее изумленно воззрились все.

– Нет, здесь точно что-то не так, – пробормотал Давид. – Валико, мы тебя чем-то обидели?

Кира немного помолчала, загадочно вздернув брови, и все-таки поднялась:

– Нет, вы меня потрясли. Даже не знаю, чем больше – то ли фантазией, то ли выдержкой. Когда она скрылась за кухонной дверью, все четверо переглянулись.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – скорбно спросил Алексей. – У девушки душевный кризис или просто ПМС?

– Ты что, за столько лет не изучил, какая она, когда у нее ПМС? – искренне удивился Давид. – Тогда она просто на всех бросается, а потом начинает скорбно плакать.

– Алё, ребята, имейте совесть! – смущенно воззвал к присутствующим покрасневший Петр. – Может, мы не будем обсуждать ее ПМС?

Кира тихонько хихикала на кухне, слушая их диалог и одновременно нарезая торт. Это был семейный рецепт, доставшийся ей еще от бабушки: та, к счастью, никакого отношения к музыке не имела и поэтому готовила, как богиня кулинарии.

Вообще-то готовить Кира очень любила, просто делать это ей теперь приходилось редко. До развода она умудрялась готовить так, чтобы на столе каждый день было что-то новое – такое, что ее муж даже названий подобных изысков не слышал. С тем же упоением и энтузиазмом она готовила мужу вплоть до самого развода: помнится, прощальный ужин и вовсе имел самое блистательное меню за всю Кирину кулинарную историю. Не то что бы она так уж сильно любила мужа – просто честно пыталась быть идеальной женой. Во всяком случае, на кухне.

Поженились они по итогам фильма, принесшего им обоим первую известность. Кира играла в нем юную Айседору Дункан: почему-то режиссер решил, что ее танцевальных способностей вполне хватит для роли начинающей танцовщицы. Будущий муж играл первую любовь Айседоры, и любовь эта получилась у него чрезвычайно убедительной. К тому же фильм имел неожиданный успех, что существенно продлило влияние фильма на совместную судьбу исполнителей главных ролей.

А когда ролей и известности у обоих стало намного больше, выяснилось, что друг без друга им обоим живется намного лучше. Развелись они легко и радостно, и единственным неприятным следствием развода стало для Киры именно отсутствие необходимости часто готовить, но она и это пережила без особых страданий. Можно было, конечно, начать приглашать в гости народ из многочисленных съемочных групп, в которых теперь Кире приходилось работать, но она никогда не была слишком уж общительной, что бы на этот счет ни думали окружающие. Так что чаще всего она вспоминала свои фирменные рецепты как раз тогда, когда у нее в гостях собирались все эти успешные, но голодные музыканты разных мастей. В этих случаях Кира давала отдохнуть своей помощнице по хозяйству, в обычные дни готовившей еду и убиравшей квартиру: иначе при Кирином образе жизни пришлось бы либо жить в заросшей грязью квартире и питаться неизвестно чем, либо практически ежедневно насиловать себя. Ни к той, ни к другой жизненной стратегии Кира была категорически не готова.

Интересно, они уже дозрели до того, чтобы расколотся? Ну ладно, даже если не готовы – все равно уже самой невтерпеж. Как же они, черти, устроили растворение этого пророка в воздухе?..

Кира торжественно внесла торт и провозгласила:

– Считайте, что это – мое признание ваших талантов. Я впечатлена до самых пяток. От вашей выдержки я тоже в восторге: вы уже два часа делаете вид, что вы здесь ни при чем. Считайте, что я сломалась и подыхаю от любопытства. Удовлетворены? А теперь рассказывайте.

Она установила торт посреди стола, уселась и приготовилась слушать.

Ответом ей было всеобщее молчание, приправленное настороженно-недоуменными взглядами.

– Ну? Я недостаточно повиляла хвостом? – возмутилась Кира.

Петр посмотрел на нее до отвращения сочувственно и проникновенно попросил:

– Ты бы все-таки что-нибудь объяснила, а?

Кира раздраженно отмахнулась:

– Ой, только не говорите, что это не вы его прислали!

– Да кого?! – в один голос гаркнули Давид с Алексеем.

Теперь Кира уже по-настоящему разозлилась:

– Да хватит уже, в конце-то концов!

Пережив еще целую минуту безнадежного общего молчания, она обвела всех растерянным взглядом:

– Да ну ладно... Правда не вы, что ли?

– Валькуша, давай ты нам подробненько все расскажешь, – осторожно предложила Тамара. – А то вдруг это действительно не мы...

Кира еще немножко подумала и рискнула:

– В общем, дело было так... Во вторник мы снимали ночью на Котельнической, закончили уже на рассвете, и я пошла домой пешком...

Она рассказывала долго, потому что теперь каждая деталь казалась ей чрезвычайно важной. И только когда рассказ закончился, она сообразила, как должны отреагировать все присутствующие на монолог ее странного вторничного знакомого.

После короткой паузы Алексей расхохотался, и она тренированным ухом актрисы уловила, что пауза была слишком длинной для естественной реакции.

– Ну мать, ты даешь!

– А что такое? Хотите сказать, вашего чувства юмора на такой розыгрыш не хватило бы?

– Нет, девочка моя, – ласково пропел Алексей, – нам мотивации не хватило бы. Ну зачем нам это, как ты думаешь? Нравится тебе? Да балуйся на здоровье! Но чтоб вот так издеваться над твоими музыкальными потугами... Мы ж не садисты, в самом-то деле.

И тут Кира взорвалась.

– То есть ты принципиально убежден, что над моими, как ты говоришь, музыкальными потугами можно только издеваться?! И ни один человек в мире не смог бы всерьез сказать про них то, что сказал тот мужик?

– Валико, ты уж определись, по поводу чего ты сейчас орешь, – снисходительно пробасил Давид. – Или это мы поиздевались и тебя разыграли, или есть какой-то неизвестный нам мужик, который действительно считает твои музыкальные портреты верхом гениальности. Во втором случае мы тебя точно не разыгрывали, ведь так?

– Ну разумеется! Вы-то наверняка не считаете мои музыкальные портреты верхом гениальности. Можешь не повторяться, слышала тысячу раз. Правда, так и не поняла, почему они вас так раздражают.

Она и в самом деле этого не понимала. Они считают, что она предала их детское музыкальное братство? Смешнее не придумаешь. Или она кажется им наглым дилетантом, который глупыми неумелыми руками хватается за святое? Или, по их мнению, она всерьез претендует на звание настоящего музыканта, равного им? Кира сотню раз пыталась добиться хоть каких-то объяснений, но у нее так ничего и не получилось. Алексей саркастически усмехался и молчал, Давид сокрушенно качал головой, Петька с Тамарой сразу кидались ее утешать...

– Слушай, а может, ты тогда, на лавочке, просто задремала? И тебе что-то приснилось? – умиротворяюще прогудел Давид, наконец-то дорвавшийся до огромного куска торта и сладострастно оглядывавший первый кусище перед тем, как запихать его в рот почти целиком.

– Ага, давайте еще Фрейда вспомним: человеку снится то, чего он страстно желает, – сердито мотнула головой Кира.

Алексей скорчил горестную мину и дурашливо протянул:

– Кто из нас не мечтает о великом таланте...

Остаток вечера прошел сложно. Петр страшно волновался и кидался реагировать на малейшее движение Киры, а остальные время от времени странно переглядывались. Наконец ей это надоело до последней невозможности, и она решительно встала:

– Так, я пошла мыть посуду.

Обычно на их посиделках эта фраза была знаком, что дорогим гостям пора устать от хозяйки и отправиться отдыхать от нее. Никто на это не обижался: Кира давным-давно всем объяснила, что нормальный сон – профессиональная обязанность актрисы, пока еще играющей роли красавиц.

Интересно, почему никто из них не раздражался, когда она говорила, что играет красавиц? Почему все причитающееся ей раздражение всегда сосредотачивалось вокруг темы ее «музыкальных портретов»?

...Еще в школе, уже присоединившись к общесемейной музыкальной одержимости, Кира делала первые попытки импровизировать. Ни мать, ни отец от этого в восторг не приходили: они считали, что сначала надо в полной мере освоить основы игры на фортепиано, потом изучить теорию музыки и гармонию, а может быть, даже и основы композиции – и уж только после этого... Иначе будет сплошной дилетантизм и порнография.

Родительские аргументы, как и следовало ожидать, Киру ни на секунду не убедили: она упрямо продолжала что-то наигрывать, когда домашнее пианино было не занято, а играть гаммы и делать все прочее, к чему ее призывали, отказывалась категорически.

Только в театральном она узнала, что делать так, как она – вовсе не обязательно крамола и преступление против Ее Величества Музыки. А когда им начали преподавать музыкальную грамоту, она, сама себя удивив, внезапно освоила ноты и даже научилась записывать собственные мелодии. Правда, родителям она об этом не сказала – из одного сплошного внутреннего протеста.

А потом Кира поняла, что ей интересно не импровизировать на темы чьих-то мелодий и даже не сочинять свои, а просто наигрывать то, что она чувствовала, общаясь с кем-то. Однажды она целый час болтала с однокурсником в пустом репетиционном зале и, сама того не замечая, во время всего разговора что-то наигрывала на рояле. В конце концов однокурсник раздраженно сказал:

– Слушай, кончай, пожалуйста! Откуда ты вообще знаешь?

Кире пришлось долго убеждать его, что она вообще не понимает, о чем речь. Когда он все-таки с великим трудом ей поверил, то рассказал, что неделю назад у него на глазах погиб его брат. Кира так и не поняла, по каким таким высоким резонам он никому об этом не рассказал, но оказалось, то, что Кира наигрывала, очень точно передавало его внутреннюю бурю чувств, в которой он замкнулся, предпочитая тосковать в одиночку. Именно этот однокурсник тогда впервые произнес это выражение – «музыкальный портрет».

Кира пришла в такой восторг от точности формулировки, что тем же вечером позвонила Тамаре и рассказала о том, что произошло. Естественно, в тот же вечер Томка пересказала историю Алексею, тот, видимо, Давиду... Все они тогда самозабвенно вкалывали в своих консерваториях, Гнесинках и музпедах. Наверное, им показалось, что Кирины музыкальные упражнения как-то обесценивают тяжесть их трудов, и с тех пор они так и не научились всерьез к этим упражнениям относиться.

Кира несколько раз пробовала сыграть им их собственные музыкальные портреты и готова была голову дать на отсечение, что эти портреты оказывались точными и цепляли своих «моделей» за живое. Однако и это ничего не изменило. Так и повелось: они занимаются серьезным искусством, а она так – вдоль забора прогуливается. Ну и ладно.

Все это Кира очередной раз сердито прожевала внутри себя, пока мыла посуду, исправно приносимую гостями на кухню. Такова была традиция: никто не уходил раньше, чем посуда была вымыта, а вся квартира полностью приведена в догостевое состояние.

Петр, посвятивший свой последний рейс на кухню стряхиванию крошек со скатерти в раковину, почему-то не ушел относить скатерть в ванную, как полагалось по протоколу, и теперь смущенно сопел у Киры за спиной.

– Чего топчешься? – бесстрастно осведомилась Кира.

– Валькирушка, но это правда не мы...

– Да поняла я уже! – в сердцах сказала Кира, выключая воду и яростно вытирая мокрые руки.

– Не обижайся ты на них, ну дураки они, ты же знаешь, – продолжал мямлить охотник за талантами.

– Они дураки, а ты? Что-то я не помню, чтобы ты с ними спорил.

– Солнышко, мне очень нравится всё, что ты делаешь, ты же знаешь! – жалобно воскликнул Петр.

– Так то-то и беда, что всё... – пробормотала Кира, затылком прихлопывая дверцу сушки над раковиной. – С одной стороны, ты ко мне равнодушен и поэтому млеешь от каждого моего слова. А с другой – моими портретами ты восхищаешься примерно так же, как родители олигофрена, когда тот сумел сам шнурки завязать. Скажешь, не так?

Петр опять виновато затоптался, укоризненно глядя на Киру.

– Да ладно, иди уже, горе мое некультяпистое... – досадливо махнула Кира рукой и подтолкнула его в сторону коридора.

Когда они вышли в коридор, все остальные с напряженными лицами стояли тесной кучкой, словно все это время с нетерпением ждали исхода переговоров Киры с Петром.

– Я все поняла, – раздельно произнесла Кира. – Это не вы, а я – идиотка. Простите меня и шагайте по домам. Сил нет, правда!

...Когда все, по очереди застревая в дверях и целуясь с хозяйкой, наконец-то направились в сторону лифта, Кира устало помахала им вслед и с облегчением закрыла дверь. Села на шкафчик для обуви и застыла, задумчиво наматывая на палец полу своей длинной клетчатой рубашки.

Отлично. Похоже, это действительно не они. Уж Томка так естественно сыграть бы ни за что не смогла. Да и Петька...

Хотя они могли, конечно, обойтись и без него. Зачем рисковать-то?

Да нет, все-таки не они. Вот же черт! Тогда кто?!

1 ноября

Длинный чернокудрый пророк прямо у Киры на глазах растаял в розовом от встающего солнца воздухе. Вслед за ним начали по очереди таять окрестные скамейки, деревья, парапет набережной, проезжающие машины – и наконец поблекла, помутилась и исчезла Москва-река...

Вывалившись из сна, Кира сначала подумала, что ее разбудил какой-то полуночный ковбой, по непонятной причине заставивший своего железного коня издать истеричный вопль. Только спустя минуту она вспомнила про апокалиптическое исчезновение Москвы-реки и сообразила, что проснулась не от автомобильного сигнала, а от страха.

Надо же, а ей-то уже было показалось, что все переживания по поводу непонятного происхождения розыгрыша стерлись в памяти до бесцветной тусклости.

Да нет, зачем себя обманывать: все эти две недели любопытство продолжало с разной степенью интенсивности ее терзать. Ничего такого особенного в самом розыгрыше не было – если, конечно, не считать непонятной мотивации его авторов. Ну и, ясное дело, хотелось бы раскусить хитрый секрет таинственного исчезновения длинного. Как они (кто бы ни подразумевался под этим «они») это сделали, черти?!

С этим поднадоевшим вопросом Кира с железным намерением снова заснуть зарылась в подушки, пряча нос от струившегося из распахнутого окна морозного воздуха. Спать она легла ближе к полуночи, а в десять утра должна была прозвучать очередная команда «Мотор!», так что необходимость выспаться можно было считать профессиональным долгом.

За полчаса Кира последовательно приняла все свои главные «сонные» позы.

Никакого результата.

Потом она пролежала целых пять минут, откинув одеяло и дрожа от холода, в надежде замерзнуть до полусмерти, чтобы потом укрыться с ушами и заснуть в процессе постепенного отогревания.

Снова ничего.

Встала и в качестве последнего средства выпила чашку крепчайшего кофе. Иногда это, как ни странно, срабатывало, и Кира мгновенно вырубалась. Но не сегодня.

Понятно. Очередное ночное бдение. Неужели так уж сильно любопытство разбирает? Вроде ничто не предвещало...

Кира была нетипичной актрисой. Во всяком случае, так говорили все ее несостоявшиеся мужья. Единственный состоявшийся на темы душевных секретов своей спутницы жизни особо не размышлял, потому на эту тему не высказывался вовсе. Все остальные актерами не были, поэтому представления об актерской профессии имели приблизительные и бытовые: актриса – человек капризный, интеллектуально неотягощенный, предпочитающий не задумываться, а чувствовать, ну и все такое прочее. И вот с их-то точки зрения Кира была не вполне настоящей актрисой. Она как раз задумываться любила – на их взгляд, даже слишком любила. Один из несостоявшихся мужей разочаровался в их отношениях именно по этой причине, смущенно объяснил это Кире и исчез, не оставив в ее памяти значимых следов.

С тем, что она – актриса нетипичная, Кира с хорошо скрываемым удовольствием соглашалась. Она, честно сказать, и сама так считала. И ее страсть к рефлексии ей самой очень нравилась – более того, именно в профессии служила ей верой и правдой. Она любила искать в каждой новой роли всякие страшно эмоциональные моменты и находить им хоть какие-то аналоги в своей жизни – пусть даже в сто раз более слабые. Почему-то она не любила обсуждать этот способ работы с другими актерами: возможно, ей просто нравилось думать, что это – ее собственная, абсолютно уникальная и никому более не известная технология.

В обычной же жизни ее стремление всласть в себе покопаться особых радостей не приносило. Регулярно она в поисках ответов на всякие странные вопросы о самой себе закапывалась так глубоко внутрь, что в ее общении с окружающими наступала долгая пауза. Если на этот период выпадали съемки, то уставала она существенно сильнее: слишком много сил уходило на преодоление того, что досадующим режиссерам казалось депрессией. Хорошо хоть в капризности ее до сего момента никто никогда не упрекал...

Вот и сейчас рефлексия без спросу включилась и начала выяснять, с чего бы это вдруг Кире не удастся заснуть после сна с участием пророка.

Выходило, что Кире не только любопытно: ей еще и попросту страшно. То есть страшно ей стало не тогда, на набережной, а только потом, когда выяснилось, что ни Давид, ни Алексей (Тамара и Петька в этом случае в расчет не шли) к розыгрышу не причастны. Это означало, что есть кто-то, питающий к ней достаточно сильные чувства (причем непонятно, какие именно), чтобы придумать, осуществить или даже заказать специально для нее розыгрыш, точно ориентированный на ее характер и пристрастия.

Думать лежа Кире надоело, и она неожиданно для себя самой начала наводить в квартире немислимую чистоту. Немислимую – потому, что ее помощница Ирина Сергеевна была по этой части совершенно ненормальной: после ее уборки казалось непристойным даже дышать, чтобы не разрушить наступившее совершенство. А поскольку приходила она убираться только накануне, то квартира блистала и без Кирино вмешательства. Тем не менее Кира отчаянно терла и без того чистый пол, убирала с видимых поверхностей любую мелочь, придирчиво поправляла складки штор...

Через полтора часа в квартире больше ничего невозможно было сделать, и Кире пришлось переключиться на косметические процедуры. Сделав кучу масок и приготовив себе неприличный по изысканности завтрак, она пришла к простому выводу: если ей так страшно и так любопытно, а ребята здесь ни при чем – значит, надо разбираться дальше. А разбираться

дальше – значит, искать концы среди актеров. Если она этого делать не будет – придется продолжать бояться.

С самого детства, когда она поняла, что ее родители не слишком разбираются в обычной повседневной жизни и вряд ли смогут ей хоть в чем-то помочь, она решила, что будет ко всему на свете чрезвычайно внимательна, чтобы держать руку на пульсе и постараться ни во что не влипнуть. С годами это превратилось в легкую, но постоянную тревогу, возникавшую каждый раз, когда она не могла повлиять на какую-то ситуацию.

Чтобы с этой тревогой справляться, пришлось научиться изящно манипулировать всем, что движется. Это было не слишком трудно: помогали природное обаяние и наблюдательность. Все режиссеры, с которыми она до сих пор работала, продолжали думать, что именно они – главные на съемочной площадке. В некотором смысле так оно и было – до тех пор, пока дело не касалось лично Киры. Если у нее были какие-то соображения насчет того, как должен выглядеть тот или иной эпизод с ее участием – можно было не сомневаться: рано или поздно режиссер придет к выводу, что именно такой вариант он и предполагал с самого начала.

Так что отсутствие ответа на вопрос, кто всю эту историю на набережной затеял, было для Киры категорически нестерпимым. Следовательно, пора было переходить к следующему этапу: кто из тех, с кем она работает сейчас, мог все это сотворить? И если ответ не будет найден – придется искать в предыдущих слоях ее, Кириного, прошлого. Если понадобится, она доберется и до своих однокурсников, и уж точно до всех бывших любовников.

...Пока Кире делали лицо, она решила попробовать завести с гримером разговор об отношении к исполнительнице главной роли в съемочной группе: быть такого не может, чтобы прима никому не наступила на краешек самолюбия или хотя бы на ногу!

Но большеглазая Анечка округлила глаза до того, что они угрожали в следующую секунду выпасть прямо в гримерский чемодан, и возмущенно затараторила:

– Да что вы?! Вот мне все равно, верите вы мне или нет, но – никогда! Ни разочка я ничего такого не слышала! Уж про кого-кого, а про вас... Вы же сами знаете!

Кира безнадежно вздохнула и умолкла.

Вряд ли эта очаровательная топотушка врет – скорее всего, просто выражает свое собственное восторженное отношение. Кажется, ей впервые приходится работать с такой известной актрисой, и когда выяснилось, что эта актриса вовсе не собирается истерить по поводу не идеально сделанной прически или слишком жесткой кисточки для пудры, Аня пришла в восторг. Пришла и расположилась в нем, видимо, навеки. Ничего тут не поделаешь и ничего тут не узнаешь.

Зато потом подтянулись другие актеры и все прочие: в связи с павильонной сменой народ позволил себе слегка запоздать после вчерашней природы, закончившейся ближе к полуночи в районе Южного Бутова.

Кстати, случай-то удобный: помнится, как раз вчера съемка сильно затянулась из-за долгих дебатов Киры с режиссером. То ему требовалась одна улыбка, то другая, то третья, а Кира половину улыбок отбраковывала как не соответствующие образу ее героини... Потом пришлось ее дополнительно подгримировывать, потом в связи с новым гримом потребовался перекустом, а потом по итогам переговоров с Кирой режиссеру нужно было долго репетировать с ее партнершей. Вот и набежали лишних три часа съемочного дня. Может, хоть у кого-то в группе из-за этих трех часов какая-нибудь проблема возникла? Это для режиссера и самой Киры такие лишние три часа говорят о требовательности ведущей актрисы к самой себе, а для всех остальных?

Но повезло Кире только к концу смены, которая не должна была закончиться командой «Всем спасибо, все свободны». Сегодня намечалось празднование дня рождения редактора – тихой милой Ольги, которая умела мгновенно переставать быть милой, если происходящее на площадке начинало идти вразрез со сценарием. В таких случаях она стояла насмерть,

не слишком стесняясь ни в словесных выражениях, ни в выражениях лица. Однако в группе к ней относились с уважением, да и перспектива вкусно пожрать после тяжелого рабочего дня очень грела души молодых растущих организмов, составлявших большую часть группы.

После съемки предпоследнего эпизода Кира, торопливо ныряя в приспособленную под костюмерку «Газель», внезапно услышала сердитый голос, доносившийся откуда-то из-за кормы раздолбанной и заляпанной машины:

– Да пошла она! Носится со своими улыбками как с китайскими вазами, а чужая работа ей побоку...

Кира тихонько прикрыла за собой дверку «Газели», чтобы не помешать беседе и так же тихо подобралась в конец салона, поближе к разговаривающим. Сквозь стекло слышно было неважно, но слова разобрать все-таки удавалось.

Пытаясь побыстрее переодеться с наименьшими потерями для грима и прически и одновременно прислушиваясь к доносящимся снаружи голосам, Кира сперва воспрянула духом, а потом расстроилась: речь, оказывается, шла вообще не о ней, а о какой-то актрисе на другом сериале, где подрабатывал один из техников.

Торопливо оглядев себя в зеркале с длинной широкой морщиной по всей длине, прилаженном между заваленными тряпками сидениями, разочарованная Кира выбралась наружу и громко похлопала по борту машины:

– Алё, заговорщики, актриса готова!

Позади машины воцарилась испуганная тишина, и Кира, усмехнувшись, направилась к камерам, где операторы расставляли по нужным точкам ее партнеров по эпизоду.

Нечего впадать в паранойю. Ну честное слово, глупо все это. Чтобы сотворить такой сложный спектакль, человеку в качестве причины явно не может хватить случайного укола для самолюбия: нужно что-то покруче. Да и слишком уж много интимной информации о Кире потребовалось бы для разработки именно такого сценария. Так что не будем подслушивать чужие разговоры и хвататься за первое попавшееся кривое слово. Задачу нужно решать иначе.

Кира, послав на ходу воздушные поцелуи двум высоченным и хмурым операторам, миновала указанную ей точку и двинулась в сторону режиссера, который с недовольной миной что-то вполголоса обсуждал с именинницей Ольгой.

– Валера, у меня к тебе вопрос, – и Кира улыбнулась той своей улыбкой, которая в ее арсенале предназначалась для покорения собеседника в обычной, не киношной жизни. Улыбка была виновато-трогательной, и режиссер, естественно, растаял.

– Оль, иди к актерам, потом договорим, – подтолкнул он редактора в сторону операторов.

Кира запротестовала:

– Да у меня вопрос ровно на три секунды, я подожду...

– Давай, давай, – кивнул головой режиссер, уже не глядя на Ольгу – так, что было непонятно, кто именно и что должен «давать».

Ольга едва заметно поиграла бровями и зашагала в указанном ей направлении, а Кира зашла режиссеру за спину, интимно склонилась к его уху и поинтересовалась:

– Валерочка, ты, я надеюсь, Ольгу праздновать останешься? Потому что у меня к тебе есть вопрос не на три секунды, а на подольше. Не буду же я сейчас съемку срывать, правда? А за коньячком мы бы поговорили...

– Что-то случилось? – тут же насторожился режиссер.

– Да ну что ты, – ласково потерлась подбородком о его плечо Кира. – Все в порядке. Так, любопытство одолело. Да и скучно без тебя праздновать с этим молодняком.

Режиссер сделал попытку прислониться затылком к Кириной груди, но Кира едва заметно отстранилась, чмокнула его в начинавшую плешиветь макушку:

– Все потом, солнышко, все потом... – тихонько пропела она и крикнула операторам: – Мальчики, не ругайтесь, я уже иду!

... Как всегда на послесъёмочных посиделках, первые пять минут народ уделял куда большее внимание еде, нежели напиткам. Кира терпеливо выжидала, пока будет провозглашен первый тост и выпьются первые рюмки, роль которых играли, естественно, вездесущие одноразовые стаканчики. До этого момента говорить с Валерием всерьёз можно было только о сценарии и всем, что с ним связано.

Не притронувшись к еде, она не забыла, поздравляя на ушко Ольгу, тихонько извиниться перед ней за давешнее вмешательство: мало ли когда и зачем может потребоваться хорошее отношение крепкого и востребованного старшего редактора? Ольга понимающе улыбнулась и вновь занялась своим чудовищным бутербродом, в котором поверх колбасы на ломте хлеба лежал еще кусок пиццы и горка корейской острой моркови.

Наконец-то режиссер хлопнул первый стаканчик коньяка, сразу же подсунил его администратору, занятому на розливе, и с видимым удовольствием употребил вторую порцию. Ему было можно: во-первых, режиссер, а во-вторых, все знали, что пока он хорошенько не расслабится, всегда остается риск сердитого ора или разговоров о завтрашней съемке.

Выждав для верности еще пару минут, Кира неслышно проскользнула между столпившихся вокруг импровизированного стола и оказалась за спиной у сидящего режиссера. Снова пристроилась над его ухом и тем же интимным шепотом проговорила:

– Мне уже разрешен доступ к режиссерскому телу?

Валерий бестолково завертел головой, пытаясь посмотреть на нее, но она уже одним нежно-смущенным взглядом подняла с соседнего стула кого-то из актеров и уселась рядом.

– А где твой стаканчик? – удивился режиссер.

– Оставила где-то, – беспечно махнула рукой Кира. – Ничего, я из твоего попыю. Ты же мне разрешишь, правда?

– Так он пустой... – растерялся бедолага-режиссер, принципиально не способный устоять перед Кириным обаянием.

– Ничего, это ненадолго, – успокоила его Кира и кивнула несчастному администратору, который никак не мог выкроить время опустошить свой собственный стаканчик.

Получив сосуд с волшебным питьем, она немного отпила и оставила стаканчик у себя, проигнорировав жалобный взгляд режиссера.

Все, можно считать, что Валера готов. Расслаблен достаточно, взволнован тоже в нужной мере, а продолжать пить пока не может. Идеальный момент для разговора.

Она мгновенно посерьезнела и начала издалека:

– Валер, мы с тобой на котором сериале вместе работаем? На четвертом? Ну да, на четвертом. И был еще один полный метр. Я ведь ни с кем так много не работала, знаешь...

Она умела говорить так легко и напевно, что собеседник очень быстро впадал в некое подобие транса и оказывался в ее беспредельной власти. Вот и Валерий уже не сводил взгляда с ее лица, едва заметно кивая: да, мол, точно, именно на четвертом, и еще один полный метр, и ни с кем так долго...

– Мне нужна твоя помощь. Мне и попросить-то больше некого...

Она прекрасно знала, что ее беспомощно-честные глазищи раненой оленихи в сочетании с хрупкой фигуркой практически у любого мужчины вызывают желание ее опекать и защищать, даже если ему ничего и не обломится.

Валерий немедленно выпрямился и даже слегка погрознал лицом. В исполнении бородатого очкарика с фигурой плюшевого мишки выглядело это довольно забавно, но Кира предпочла не обратить на это внимание, чтобы не сбивать себя с настроения.

– Мне тут недавно какой-то дикий розыгрыш устроили... Ты не представляешь себе, как я испугалась!

Ну не так уж она и испугалась... В общем, извини, Валера.

– И главное, били же по больному, понимаешь?

Скорее не били по больному, а маслом по сердцу помазали...

– Так вот скажи мне, пожалуйста, кто из тех, с кем мы с тобой работали, сильно на меня зол?

Все правильно. Именно так: не надо спрашивать, зол ли кто-то, лучше утверждать, что кто-то точно зол, и теперь задача Валерия, который уже готов изо всех сил ей помочь и ее защищать, всего лишь вспомнить, кто же это такой гад.

Режиссер послушно задумался.

Кира чуть-чуть выждала и вкрадчиво дополнила:

– Это точно кто-то из ближнего круга. Очень уж много он обо мне знает...

Думал Валерий долго. Кира успела все-таки бросить в рот пару оливок и кусок сыра, и даже отпила еще коньяка из режиссерского стаканчика.

Режиссер все сильнее морщил лоб и, видимо, про себя сам с собой разговаривал или даже спорил. Однако лицо его становилось все более и более растерянным, и в конце концов он виновато пробормотал:

– Что хочешь со мной делай, Валькирия, но я такого просто не знаю. Может, ты и не всем шишко нравишься, но... Это ж он так должен злиться, чтобы все знали! Да убей меня – нету такого!

К концу своей тирады он даже голос повысил, и окружающие с интересом к ним обернулись.

Раздосадованная Кира даже улыбаться не стала:

– Вы пейте, пейте, гости дорогие, дайте с человеком поговорить.

– А какого нету-то, а? – безмятежно поинтересовалась помощница костюмера, всегда пьяневшая быстро и безвозвратно. – Чего ищете?

Валерий, уловив, что Кира потеряла бдительность, ловко вытащил у нее из руки свой стаканчик и допил коньяк.

– Представляете, что наша Валькирия вообразила? Кто-то ее так ненавидит, что придумал злобный розыгрыш...

Вот же зараза! Неужто она недоглядела, и режиссер с Ольгой начали праздновать чуть пораньше всех прочих? Ладно, обратимся к массам.

Кира включила улыбку под названием «тронуть всю толпу разом» и возвысила голос:

– Ладно, раз наш уважаемый режиссер все равно мою беду обнародовал, спрошу у всех: кто может желать мне зла?

Одно из двух: или удастся весь этот бред обратить в шутку, или кто-то все-таки что-нибудь полезное скажет. Второй вариант практически невероятен. Черт возьми, ведь говорила же себе: нечего в паранойю впадать! Надо было плюнуть на все это, и дело с концом...

Все действительно расхохотались, а уж кто искренне, а кто – нет, понять было невозможно.

Кто-то предложил выпить за Валькирию, которую никто не ненавидит, зато все любят, но Кира замахала руками и потянулась чокаться с Ольгой: дескать, героиня у сегодняшнего праздника одна, так что нечего дробить внимание...

Чуть погодя она попросила администратора вызвать такси и отбыла настолько незаметно, насколько это было возможно – то есть еще раз чмокнув плешь режиссера, обнявшись напоследок с именинницей и молча помавав обеими руками всем присутствующим.

Кира попросила таксиста не подъезжать к дому по набережной (чтобы ей не пришлось проходить мимо злополучной лавочки), а остановиться возле круглосуточного супермаркета на параллельной улице. Еда дома, конечно же, после вчерашнего визита помощницы была, и никакой супермаркет Кире был не нужен. Но ей хотелось еще немного отсрочить приход домой, потому что в тишине квартиры думать получалось намного лучше, чем в любой другой обстановке. А вот думать сейчас ей как раз совершенно не хотелось. Как только она нач-

нет думать, то непременно придет к бесспорной мысли, что нужно просто выкинуть все это из головы. Но поскольку ей решительно непонятно, как это сделать, раз ей так тревожно и непоседливо от любопытства, то такая мысль никакого практического значения иметь не будет. А зачем думать мысль, которая не имеет практического выхлопа?

Поэтому Кира всласть побродила по дорожному магазину, где ее знали все поголовно, всем поулыбалась и даже немножко поболтала, купила спелое манго (в пару к уже лежащему дома) и маленькую коробочку пастилы, которая, как известно, наиболее похудетельная сладость из всех имеющихся. Больше ничего ей в голову не пришло, поэтому она с неким сожалением вышла на улицу и пошла дворами к своему дому.

Преодолев обычные тринадцать лестничных пролетов, Кира с неудовольствием отметила легкую одышку: все-таки коньяк вперемешку с дурацкими переживаниями сделал свое черное дело. Мысленно дала себе задание попасть в скважину ключом с первого раза и, видимо, переусердствовала с выполнением команды, потому что ключ вошел как-то не очень так и не сразу согласился провернуться нужное количество раз. Задумалась, можно ли считать задание выполненным или нет, потом обругала себя последними словами и решительно распахнула дверь.

Кира очень любила свою квартиру. Здесь каждая вещь была вымечтана задолго до того, как была куплена квартира для ее размещения. Она даже не каждого своего мужчину приглашала к себе домой. С одними предпочитала встречаться в отелях или на их территории, а для других использовала квартиру в качестве тестового материала: если мужчина быстро находил в ней свое любимое место – значит, был пригоден для хоть сколько-нибудь серьезных отношений. Если же нет, Кира с ним прощалась сразу: знаешь, дорогой, если уж берлога не нравится, то и с медведем тебе дружить не стоит.

Она повесила в шкаф специальное «съемочное» пальто – немнущееся, теплое, пестрое, чтобы казалось, будто никакие пятна на него не садятся, – переобулась в любимые овечьи тапочки и ушла в спальню переодеваться. Процесс переодевания она затягивала сколько могла: неизбежная мысль по-прежнему никакого практического смысла не имела, так что нужно сделать все, чтобы эта бессмысленная мысль просто не успела прийти в голову до того момента, пока Кирина невыспавшаяся голова уляжется на подушку. А там уж, Бог даст, сон, подстигаемый половиной стаканчика коньяка, навалится и...

Тут ей в голову пришла другая мысль – насчет того, как изгнать первую, ненужную. А не попробовать ли ей сыграть портрет этого несчастного пророка?

Конечно! Почему бы не попробовать? И Кира вышла из спальни и зажгла свет в гостиной.

Первое, что бросилось ей в глаза – у пианино была открыта крышка.

Никогда в жизни она не позволяла себе держать пианино открытым. Это, наверное, пошло с детства: родители всегда ругательски ругали ее, если она открывала пианино, чтобы потыкать в те же клавиши, в которые все время тыкали сами родители, а потом забывала его закрыть. Она до сих пор понятия не имела, почему открытое пианино – это так ужасно, но, тем не менее, всегда исправно крышку закрывала.

А сейчас эта крышка была открыта.

Она прекрасно помнила, как утром смахивала с этой закрытой (закрытой!!!) крышки несколько пылинок, неосторожно упавших на нее после вчерашнего набега Ирины Сергеевны.

Но сейчас-то крышка была все-таки открыта!

И только потом Кира сообразила, что на пюпитре открытой крышки стоят листы нотной бумаги. Не обычные ноты, которые можно купить в магазине, а именно отдельные нотные листы. И на них даже было что-то написано – не напечатано, а именно написано...

Она начала уговаривать себя подойти к пианино и одним глазком глянуть, что же там такое написано. Подходить не хотелось: смотреть с порога казалось намного безопаснее. Поэтому сначала она решила прогуляться по всей квартире и поискать еще какие-нибудь

сюрпризы. Почему-то это тоже казалось менее опасным, чем знакомство с тем, что стояло на пюпитре.

Ничего необычного нигде в квартире вроде бы не обнаружилось. Впрочем, она почему-то с самого начала именно так и думала.

Пришлось вернуться обратно.

Нет, это какой же идиоткой надо быть, чтобы обычной нотной бумагой бояться?! Ходить по темным комнатам и искать там всякие гадости после того, как в квартиру явно кто-то вламывался – не страшно, а ноты просмотреть – страшно! Вы только подумайте, какая изящная душевная организация...

Наконец Кире удалось разозлиться на себя. Она нарочито уверенно подошла к пианино и взяла с пюпитра листки.

На них привычно-небрежными значками был записан тот самый музыкальный портрет ее партнера по фильму, о котором говорил пророк на набережной. Причем сама она этот портрет никогда не записывала: нужды не было. Но если человек музыкальной грамотой владеет, что ему мешает записать то, что он слышит с экрана?!

Значит, нужно искать среди знакомых тех, кто владеет нотной грамотой – ну и, конечно, в какой-то момент мог получить доступ к ее ключам от дома. Вот еще бы понять, почему и зачем он это делает...

10 ноября

...Хотелось бы знать, во сколько этот гад-виолончелист появится дома, если самолет у него прилетает в восемь с копейками? Разговаривать с ним, когда он будет идти по аэропорту или садиться в такси, вряд ли стоит. У него в этом случае будет замечательная отмазка: дескать, какой еще у меня может быть голос, если я тут багаж получаю?! Лучше подождать, пока он до дома доберется. Если, конечно, получится...

Все последние дни Кира очень сердилась и на календарь вообще, и на календарь гастролей Давида, согласно которому все это время он осчастливливал своей музыкой концертные залы Сибири. То есть созвониться было, ясное дело, возможно, но кто ж его знает – может, он именно в этот момент на репетиции или вообще на выступлении... Все это ей сообщил трепетный Петька, которому она позвонила, не дождавшись соединения с Давидом. Он же сообщил, что звонить сейчас Алексею тоже не имеет смысла: они с Тамарой внезапно решили навестить свою дочь Веру.

Насколько знала Кира, Вера получилась у Ворониных как-то очень уж неожиданно, и в роли заботливой матери Тамара продержалась не слишком долго: при первой же возможности Вера была отправлена учиться за границу. С тех пор Алексей с Тамарой освоили за счет дочери половину Европы, потому что в целях расширения дочернего кругозора ее то и дело переводили из одного учебного заведения в одной стране в другое, практически аналогичное, но в какой-нибудь другой. Нынешним местом обитания юной Ворониной была Прага, и гулявший с семейством по Вышеграду Алексей (которому Кира все-таки упрямо позвонила), ответил на Киру звонок коротким и раздраженным: «Всё – через неделю».

Значит, пока из всей четверки на роль злодея годился один Давид. Собственно говоря, он-то и подозревался Кирой в первую очередь: Алексей, по ее разумению, счел бы ниже своего достоинства просматривать ее старый фильм, отыскивать в нем нужный эпизод, слушать ее, Киру, игру в этом эпизоде, да еще и записывать ее музыку... Значит, нужно было ждать возвращения Давида.

На всякий случай, конечно, стоило за время ожидания проверить и всех менее вероятных подозреваемых, поэтому Кира начала методично обзванивать всех своих прежних любовников – точнее, тех из них, кто бывал в свое время допущен в ее берлогу. Каждому из них задавался один и тот же вопрос: «Слушай, а когда ты в последний раз ко мне приходил?». Ее

абсолютного музыкального слуха и актерского опыта, на ее взгляд, было вполне достаточно, чтобы почуять вранье в паузе и следовавших за нею словах. Разумеется, каждый из тех, кому она звонила, норовил расценить ее инициативу как приглашение к возобновлению отношений, но уж с этой-то сложностью Кира справлялась легко.

И вот пятнадцать минут назад она вычеркнула из своего списка последнего подозреваемого, и ожидание разговора с Давидом превратилось в предвкушение жестокого возмездия.

Нельзя сказать, чтобы три последние недели она только и думала, что о пророке с набережной и вторжении в ее дом.

Хотя чего себя обманывать? Конечно, думала – каждый раз, как только она оставалась в одиночестве.

Пророк-то еще ладно: ей, чье лицо благодарные зрители ухитрились опознавать даже в бассейне, было не привыкать к странненьким поклонникам. Но когда к той встрече добавились ноты, все стало совсем плохо. Мало того, что ноты на открытой крышке всегда закрываемого ею пианино недвусмысленно означали, что в ее дом неизвестно кто входит без малейшего затруднения: они еще так же недвусмысленно подтверждали, что и пророк тоже был не случаен. А значит, есть некий человек, который почему-то хочет испортить ей жизнь. И пока неизвестно, что это за человек и почему он развлекается именно так, жить Кире будет страшно.

Конечно, на следующий же день после обнаружения нот Кира сменила замки. Впрочем, честнее было бы сказать, что замки менял Петька: у Киры этот день и два следующих были плотно заняты на съемочной площадке, а терпеть прежние замки так долго она была категорически не готова. Петька, беззастенчиво вызванный на подмогу, был несколько озадачен, но ему пришлось обойтись без объяснений: на них Кира тоже не чувствовала себя способной.

Более того, она позвонила своей ненаглядной Ирине Сергеевне и, вложив в свои слова максимально возможную теплоту, попросила ее пока не приходить: дескать, у нее, Киры, внезапно нарисовался перерыв в съемках, и она вполне управится с домашним хозяйством сама. Кира решила не рисковать и пока не давать помощнице новые ключи: Ирина Сергеевна, ясное дело, чистое золото, но... Лучше сначала выяснить, что же все-таки происходит.

Первые пару дней Кира наивно полагала, что смены замков и напряженных следовательских раздумий для душевного покоя будет достаточно. Но после двух вечеров, когда она долго собиралась с духом перед собственной дверью, прежде чем открыть ее и на цыпочках, с бухающим где-то в коленках сердцем медленно осмотреть всю квартиру, стало понятно: предпринятых мер категорически недостаточно.

Тогда она, страшно смущаясь, вызвала пару молодых и веселых ребят, которые за час установили над ее дверью крохотную видеокамеру. Они даже сумели поставить эту камеру так, что ее было очень трудно заметить – если, конечно, не искать специально.

Почему-то наличие камеры, включавшейся в ответ на малейшее движение на лестничной площадке, успокоило Киру больше всего предыдущего. Казалось бы, дичь полная: все равно просмотреть запись с камеры она может только с домашнего компьютера, то есть висящая снаружи камера никак не сможет предупредить хозяйку об ожидающих внутри квартиры сюрпризах – но вот поди ж ты...

Отсутствие таких сюрпризов на протяжении последней недели вряд ли можно было считать стопроцентной гарантией их отсутствия в будущем – зато эту неделю Кира отдыхала.

Точнее, почти отдыхала, потому что тревога никуда не делась. Кира пробовала ругать себя последними словами за трусость, которой никогда прежде не страдала. Пыталась самой себе доказать, что чаще всего огурец – это никакой не фаллический символ, а просто огурец, и длинный на набережной вполне мог искренне говорить о своем восхищении ее музыкальными талантами, а невесть откуда взявшимися нотами на пюпитре вообще можно пренебречь... Ну могут же у нее быть проблемы с памятью?!

Ничего не помогало. И сейчас она, нетерпеливо поглядывая на часы и машинально проделывая все утренние дела, мечтала о том, как Давид в ответ на ее вопрос (только не наезжать на него сразу, ни в коем случае!) расхохочется своим роскошным гортанным басом и скажет: конечно, это мы с Лешкой все придумали, а тебе понравилось? И все сразу станет нормально.

Хотя кой черт нормально?! На какую ее реакцию они могли рассчитывать? Что она расхохочется и восхитится их фантазией? Любой нормальный человек с ума сойдет, обнаружив, что в его дом кто-то входил. Ей-богу, лучше бы ее просто обокрали! Тогда было бы обидно, но хоть не так страшно, потому что понятно.

...Давид ответил только на ее четвертый звонок.

– Привет, подруга! Что, тебе так приспичило услышать мой крайне сексуальный голос? Мы только приземлились, я включаю телефон – а там сразу три тебя.

Никакой аутотренинг не помог – Кира закричала сразу, насколько ей позволило немедленно сжавшееся спазмом горло:

– Это ты, паршивец?!

После довольно долгой паузы Давид сухо заметил:

– Поскольку это все-таки мой телефон, то это действительно я. Чего ты орешь-то?

Кира даже задохнулась:

– Чего я ору?! А ты как думаешь?

До Кириного слуха донеслось приглашение пассажирам бизнес-класса пройти к выходу. Вот черт, так она и думала: теперь Давид уже ничего говорить не будет, а до дома он сто раз успеет подготовиться...

Но Давид неожиданно произнес еще несколько слов:

– Знаешь ли, я хоть и сильно обрусевший, но все-таки грузин. Женщина на меня орать не будет, – и отключился.

Черт, черт, черт! Сама, дура, все испортила: распсиховалась, даже в голос не вслушалась...

Ну и ладно. Похоже, это все равно не он. Это было бы уж совсем слишком: если человек знает, что не без греха, не будет же он вот так нагло наезжать в ответ! Вроде отсутствием чувства юмора Давид никогда не страдал. Если бы это было его рук дело, он бы, небось, не выдержал бы и хоть хихикнул, что ли.

Или все-таки наехал бы? Может, он и не собирался признаваться. Может, у него еще целая программа запланирована?

Но почему? И зачем?! Ну не из зависти же, в самом-то деле... Ему-то что завидовать? Он ведь и так в некотором смысле исключение – можно подумать, у нас много концертирующих виолончелистов. Опомнись, девушка! Какая зависть?

Тогда почему?..

Кира подтянула к себе большое зеркало на затейливой кованой подставке и задумчиво уставилась в него.

Да уж, вид еще тот. Примеры сегодня наплачутся. Анечка уже и так неделю твердит, что нужно больше отдыхать. Это у них такой деликатный профессиональный эвфемизм для обозначения того, что актер ужасно выглядит.

А почему, собственно говоря? Что такого произошло? Да, кто-то придумал некую непонятную многоходовую гадость. Давид или не Давид – не так уж и важно. Но гадость эта совершенно очевидно связана не с актерством, а с музыкальными занятиями. Так что теперь – перестать играть?! Не слишком ли жирно будет?

Кира подмигнула своему отражению и снова взялась за телефон.

Через пару минут выяснилось, что и судьба, похоже, включилась в заговор против нее: ее бывший муж Олег, несколько лет назад неожиданно оказавшийся неплохим режиссером, тоже сейчас не в России, а на каком-то не слишком престижном азиатском кинофестивале. Возвра-

щается он дней через десять, потому что намеревается еще по пути домой заехать по своим режиссерским делам в Рим.

В сто восемьдесят четвертый раз Кира похвалила себя за то, что в свое время рассталась с мужем по-доброму. Тогда еще никаких режиссерских планов у него даже в перспективе не было, так что дружественность расставания не была продиктована понятным желанием актрисы сохранить хорошие отношения с потенциальным работодателем. Просто им обоим повезло: после недолгой совместной жизни выяснилось, что им не столько плохо вместе, сколько хорошо порознь – вот и не образовалось поводов для обид и претензий.

А когда Олег все-таки режиссером стал, то без всяких Кириных усилий и с видимым удовольствием начал приглашать ее в свои картины. Почему нет-то?! К этому моменту Кира уже была достаточно известна, чтобы ее имело смысл приглашать и без учета их совместного прошлого. Работать ей с ним было очень хорошо, потому что он прекрасно знал ее возможности и использовал их на полную катушку.

Жалко, конечно, что задуманное не удалось воплотить прямо сейчас, с наскока... Но ничего страшного, еще десять дней она как-нибудь продержится – раз уж стало понятно, что делать дальше.

22 ноября

По возвращении из Праги Алексей был тоже тщательно протестирован по телефону, но то ли он тоже был ни при чем, то ли Кириных диагностических навыков оказалось недостаточно – никаких вразумительных выводов ей сделать не удалось. От любых же личных встреч Алексей уклонялся под вполне уважительными предложениями.

Дни, оставшиеся до возвращения Олега, Кира провела отнюдь не в безмятежности. Просто к тревоге, которая одолевала ее каждый раз, когда она выходила из дома, и каждый раз, когда она туда возвращалась, теперь добавилось еще азартное нетерпение. Почему-то ей казалось, что, как только она осуществит свой замысел, ее неведомому злопыхателю станет понятно: его затея не удалась. Она старалась не задумываться о том, каким именно образом злопыхатель должен узнать об успехе ее предприятия. Обо всем остальном как-то узнал – даст Бог, и тут не оплошает.

В том, что ей все удастся, она не сомневалась тоже. Ну ведь Олег достаточно сообразителен: он не сможет не оценить то, что она собирается ему предложить! Тем более ничего такого сверхъестественного в ее идее нет. Даже никаких серьезных переделок не потребуется – так, кое-что по мелочи...

Весь ее план основывался на том фильме, который Олег собирался запускать сразу после того, как у нее закончатся съемки очередного сезона нынешнего сериала – то есть как раз после новогодних праздников. Собственно говоря, самую первую идею, которая впоследствии превратилась в сценарий, Олегу подкинула именно она.

Полгода назад на какой-то тусовке, состоявшей из представителей самых разных профессиональных конфессий, она познакомилась с довольно странной дамой-психологом средних лет. Вид дама имела чрезвычайно решительный и даже боевой: было похоже, что она и улыбаться-то не умеет. Кира тогда, верная своему трогательно-милому образу, слушала даму сколько могла. Ее терпение пришло к концу после фразы «Живым, но несчастным клиент от психолога уйти не должен». Не сразу поверив себе, Кира внимательно взгляделась в лицо психолога-воительницы. Нет, вроде не шутит. Во всяком случае, почти не шутит. Вот же беда: и лет-то тетке явно не двадцать... Одарив даму нежной улыбкой, Кира тут же растворилась в толпе и на протяжении всего вечера тщательно следила за тем, чтобы траектории их перемещений больше не совпадали.

Именно после той встречи у нее и родилась идея. А поскольку Олег на той тусовке тоже присутствовал и даже помог Кире пережить шок от столкновения с психологической наукой, то именно с ним она этой идеей и поделилась.

Олег тогда страшно возбудился и даже сам написал сценарий – тоже не без ее участия, конечно. Она, разумеется, тщательно следила за собой, чтобы не говорить «наш фильм» или «наш сценарий»... Но теперь, видимо, пришла пора разочек об этом напомнить. Один маленький разочек – но все-таки напомнить.

Как всегда, она точно рассчитала все мелочи своего появления. Появиться с крохотным опозданием, чтобы и пунктуальность проявить, и Олега не раздосадовать, и дать себе возможность поулыбаться с очаровательной виноватостью – помнится, именно этой улыбкой она в свое время его и поразила. Одеться непривычным для него образом – в лихую байкерскую куртку и экстравагантную кепку: пусть ему сразу станет не совсем понятно, как к этому буйному образу приспособливаться. В их общей юности она так не одевалась, и чего ждать от Валькирии в кепке, Олег знать не может. И подойти надо со спины, чтобы неловкость усилить: расслабленный Олег ей сегодня совершенно не нужен.

Все произошло в точности так, как она планировала, и Олег слегка настороженно всматривался в нее все время, пока она самозабвенно изучала меню и беседовала с официанткой, сто раз меняя заказ – словом, томила его непонятным ожиданием.

– Что с тобой сегодня, а, Валькирчик? – с тревогой спросил Олег. – Произошло что-то?

Кира еще немного поустраивалась в обширном кресле, а потом неотразимо улыбнулась:

– Произошло. И ты мне поможешь.

Это тоже Олегу понравиться не могло: помогать он не очень любил, предпочитая обоюдное сотрудничество. Ничего, сейчас он поволнуется немного, потом выяснится, что ни о какой практической помощи речь не идет, и он расслабится. Тут-то его и надо будет брать – тепленьким и мягоньким.

– Ну... Смотри что тебе нужно... – осторожно проговорил он, покосившись куда-то в сторону.

Кира ласково улыбнулась:

– Не мне, дорогой мой, не волнуйся. Мне ничего не нужно. Это нужно нам. Произошла у меня очередная идея насчет нашего фильма.

Вот он, этот маленький разочек. И если Олег сейчас спокойно это проглотит, то ее шансы возрастут многократно.

Олег вздохнул с таким неприличным облегчением, что Кире пришлось тоже глубоко вздохнуть, чтобы не хихикнуть. Так и есть, «наш фильм» он проглотил, можно идти дальше.

– Мне тут на днях в некоей музыкальной тусовке было выражено острое сожаление, что я больше никогда после «Песен разводящихся» не исполняла с экрана своих музыкальных портретов. Представляешь, оказывается, многие поняли, что это был именно портрет!

Естественно, Олегу был совершенно не обязательно знать, что «тусовка» состояла из одного человека – да и то с туманной мотивацией и неопределенной степенью искренности. Но на всякий случай Кира все-таки бросила на него острый взгляд из-под огромного козырька своей кепки: вдруг каким-то диким образом Олег причастен ко всему этому?! Ничего крамольного, только легкое недоумение. Ну и хорошо.

– Так вот я и подумала... А что если моя героиня решит попробовать повлиять на клиента своей музыкой? Может же у нее в кабинете стоять рояль, правда?! Может, она вообще работает со своими клиентами посредством музыки? Вот такой вот интересный психолог...

Теперь на лице Олега удобно расположился непроходимый скепсис:

– Что это за бред – рояль в кабинете у психолога?

– Почему бред? – возмутилась Кира. – Я ведь много читала о психотерапии, когда мы писали сценарий...

– Валькирчик, не хотелось бы тебя огорчать, но это я писал сценарий, – с ленивой вкрадчивостью возразил Олег.

Жаль. Второй раз не прокатило. Ладно, пока ничего страшного.

– Хорошо, ты писал, а я читала, – легко согласилась Кира. – Так вот я прочитала, что у них есть даже такое направление – называется «музыкотерапия». Человек какую-то музыку слушает, и с ним что-то происходит.

– И скажешь, не бред? – недоверчиво прищурился Олег.

– Да какая разница?! Если они считают возможным так лечить, то почему бы нам это не использовать?

Олег окончательно изумился.

– Да зачем? Зачем нам это использовать? Тебе лавры твоих друзей-музыкантов покоя не дают? У тебя и без того шикарная роль нарисовывается...

Кира рассердилась:

– Причем здесь их лавры? Я тебе изюминку для фильма предлагаю, а ты дурью маешься!

– Да там и без твоей игры изюма достаточно, – пожал Олег плечами, явственно теряя интерес к разговору.

– Олежек, солнышко, ну считай, что это важно лично для меня... – Кира решила сменить тактику. – Это я хочу начать свои портреты продвигать. Тебе несложно, а мне очень нужно, правда!

Олег неопределенно поиграл бровями и сделал вид, что страшно увлечен своим капучино.

Ну что ж он уперся-то?! Наверное, ошиблась с «мы писали сценарий»... Вот же балда! Значит, надо срочно начинать играть зайку.

Кира выждала немного, а потом нежно прикоснулась к его руке.

– Пожалуйста, господин режиссер, не отказывайте вашей любимой актрисе...

Олег тяжело вздохнул и поднял на нее несчастные глаза:

– Послушай, там уже и так чертова прорва музыки. Твой дружок, между прочим, написал и даже денежку уже получил.

Кира даже задохнулась от возмущения:

– Ты дал Лешке писать музыку?! И даже со мной не посоветовался?

Нет, это же надо – Алексей взялся писать музыку для их с Олегом фильма и ничего ей не сказал! Конечно, зачем с ней говорить о том, в чем он – профи, а она – чайница примазавшаяся?! Что она может понимать в музыке для фильма, который она сама же и придумала?

Кира так глубоко провалилась в собственную ярость, что даже не сразу обратила внимание на то, что Олег тоже явно не в восторге от ее слов:

– Валькирия, ау! Если ты меня слышишь, то хочу тебе еще раз напомнить, что даже жена ты мне бывшая, а уж фильм-то и вовсе мой собственный, если ты не возражаешь.

С ума сойти! Став режиссером, Олег, в их совместную бытность отличавшийся некоторой тряпичностью, научился напускать в свой голос заполярной морозности... То есть на экране-то он эту морозность при необходимости включал, но вот в жизни использовать не рисковал. А теперь – нате вам! Что ж, придется соответствовать.

– Тогда и я тебе напомню, что я уже сейчас каждое словечко своей роли сто раз продумала и прожевала. Я ее чувствую, понимаешь? И я каждой кишкой своей уверена, что в твоём фильме то, что я тебе предлагаю, сыграет на двести процентов!

Конечно, она преувеличивала. Скорее даже, врала: после окончания работы над сценарием за свою роль она пока еще и не бралась – правда, вовсе не от лени и не от безразличия. Просто она терпеть не могла работать одновременно над двумя ролями и соглашалась на это только тогда, когда другого выхода не было. Но в том, что она сумеет сделать для фильма нужную музыку, Кира и правда не сомневалась.

По их совместной идее, один из клиентов главной героини, написанной по мотивам той самой воинственной дамы-психолога, признается в том, что собирается кому-то отомстить. Постепенно психолог убеждается, что клиент не шутит, а одновременно с этим параллельно идущий детективный сюжет убеждает в этом зрителя. Но психолог уверена, что сумеет удержать своего клиента от убийства своими методами, и даже не пытается предотвратить чью-то смерть. По ходу сюжета, ясное дело, у психолога с клиентом возникают «неуставные отношения» – и это лишает психологиню последних сомнений в своих силах. Естественно, ничего предотвратить ей не удастся, а потом из допросов взятого под стражу клиента становится известно, что она нарушила одну из статей уголовного кодекса. У психологини – шок: и любимый предал, и под суд теперь сходить придется... И рабочее название у фильма было соответственное – «Не справившаяся». Не чтобы очень, но рабочее же...

С самого начала Кире пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать бывшего мужа в рамках нормального, коммерчески успешного кино, потому что он все время норовил уйти в густые джунгли психологической зауми. Сейчас же она была убеждена в том, что сделает роскошные темы для разных этапов ее взаимодействия с главным героем. Может, оно и к лучшему, что основную музыку написал Алексей: если Кира переплюнет сама себя, то не исключено, что ее музыкальные куски станут более популярными, чем его темы... Только бы удалось справиться с Олегом!

Олег молча смотрел на нее, и Кира прекрасно понимала, что никакие ее трогательные слезы, которые могли бы прошибить практически любого мужика, на бывшего мужа не произведут никакого впечатления. Он точно знает то чуточное движение самым кончиком носа, которым она всегда легко вызывала у себя слезы в любой момент съемок. Можно даже и не стараться. Придется бить сокрушительной честностью.

– Хорошо, скажу честно: мне сейчас очень паршиво. Не буду говорить, почему паршиво – тебе это совершенно не нужно. Но то, о чем я тебя прошу, меня может вытащить. И мы с тобой оба знаем, что фильм моя музыка не испортит. В худшем случае – не украсит, но уж не испортит точно. Я понимаю, ты боишься, что Лешка обидится, психанет и больше не будет с тобой работать. Но это не твои проблемы, его я возьму на себя. И еще одно: я знаю, как можно за счет моей музыки добавить фильму пиара. Не спрашивай, как, но я точно знаю.

Олег снова с сомнением поиграл бровями, но ничего не сказал.

– Хорошо, – покорно кивнула Кира, – не буду на тебя давить...

– Уже, – пробормотал Олег. – Уже давишь.

– Прости, солнышко, если так... – покаялась Кира. – Но ты даже не представляешь себе, как это для меня важно. Хотя бы пообещай мне, что ты об этом подумаешь, ладно?

– Ладно, подумаю, – с тяжелым вздохом произнес Олег и устало откинулся на спинку кресла.

Кира тут же вскочила с кресла (хотела вспорхнуть, но вовремя вспомнила, как специфично одета, и включила угловатую мальчишескую грацию) и перед тем, как уйти, склонилась к Олегу и с чувством чмокнула его в висок. Лучше было бы, конечно, поцеловать в губы, но она побоялась ткнуть козырьком своей кепки куда-нибудь не туда.

– Позвони, когда надумаешь, я буду ждать.

И она торопливо ушла, чтобы не дать ему времени сказать еще что-нибудь о своих сомнениях.

Черта с два она будет ждать, пока он до чего-нибудь додумается! Сделает, что решила – а потом ему уже просто глупо будет возражать.

25 ноября

К Останкино Кира подъехала минут за пятнадцать до назначенного времени. Ее, конечно же, еще никто из встречающих не ждал, и она набрала номер знакомого администратора.

– Игорек, привет! Ты уж меня извини, но я уже здесь... Тебе не сложно было бы за мной спуститься?

Разумеется, Игорьку это было несложно. Забавная работа у администраторов всяких телевизионных шоу: встретить, облизать с ног до головы, кофейком напоить, в туалет сводить, за временем появления героя на площадке уследить... И все с неугасающей восторженной улыбкой. Где их таких выращивают, интересно?

Когда администратор выскочил откуда-то сбоку и заскользил прямо на подошвах кроссовок к турникетам проходной, Кира немедленно включила еще одну свою фирменную улыбку – просительно-милую. Можно было, в общем-то, и не напрягаться – прожектора Игорьковой улыбки и так хватало на весь просторный холл, – но у Киры еще было одно дело, в котором ей понадобится максимальное содействие администратора.

Пока они шли по знаменитым останкинским коридорам, она поинтересовалась:

– Как ты думаешь, Антон сможет уделить мне пару минуток? Мне с ним позарез надо пошуськаться. Я понимаю, он сейчас занят, но это правда важно. Это по поводу передачи.

Антон был ведущим шоу «Теле-Фрейд» и, в строгом соответствии с названием передачи, был обладателем солидной темной бороды. Он бы наверняка и трубку с удовольствием курил в подражание своему прототипу, если бы не гонения на курильщиков. Но и без трубки его суровый взгляд и скептический изгиб губ вполне соответствовали идеологии передачи, в которой известные люди полулежали на кушетке, а сам Антон сидел в ее изголовье и задавал свои вопросы. Многие актеры и прочие знаменитости отказывались от участия в его шоу, не будучи уверенными в своей способности держать удар. Однако Кира и на реакцию никогда не жаловалась, и вообще давным-давно пригласовала с Антоном, так что бояться ей было нечего.

Игорек тревожно засбоил на бегу и покосился в сторону Киры:

– Что-то не так?

– Да ну что ты, – успокоила его Кира, безмятежно улыбаясь. – Наоборот, я ему хочу подкинуть одну тему для разговора. Скоро это будет крутой тренд, так что Антоше понравится.

– Тогда я, конечно, попробую, но...

– Не волнуйся, я все понимаю. Но я не сомневаюсь, что ты сможешь, – с легчайшим, едва слышным ударением на последнем слове сказала Кира.

Игорек смог, и Киру посадили на грим не в общей гримерке (на подобных передачах никакая табель о рангах не соблюдалась), а в личной гримерке Антона. Высоченная жилистая девица с длинным упрямым лицом колдовала над его бородой, а срочно доставленная из соседней гримерки пожилая дама чрезвычайно аристократичного вида начала придирчиво рассматривать нанесенный самой Кирой макияж.

– Привет, Валькирия! Кстати, ты не в обиде, что мы назовем наш выпуск вполне банально – «Полет Валькирии»?

– Да мне-то что? – пожала плечами Кира. – Прекрасное название.

– Что за тайное перешептывание? Надеешься вымолить снисхождение?

– Зная твою репутацию, даже не надеюсь, – горестно промолвила Кира, блюдя репутацию ехидного и придирчивого ведущего «Теле-Фрейда». – Наоборот, готова положить на алтарь твоего успеха еще одну тему. Сможешь издеваться надо мной сколько захочешь.

Антон выдернул бороду из пальцев упрямой девицы и заинтересованно крутнулся на кресле в сторону Киры:

– Да ты что?! Есть что-то, чего я не знаю?

– Скорее, знаешь, но почему-то не используешь. Мои музыкальные портреты помнишь?

– А что тут использовать? – Антон разочарованно вернулся в гримерское стойло. – Ты классно играешь, твой... в смысле мой портрет я до сих пор помню. Точнее даже слушаю – ты же мне его тогда записала. За что тут цепляться?

Кира запустила уже использованную легенду:

– Я тут недавно была на одной музыкальной тусовке...

Аристократичная дама-гример, все это время осторожно поворачивавшая Кирину голову из стороны в сторону, наконец решила, что именно следует уточнить в имеющемся макияже, и приступила к работе.

– Так вот та тусовка разделилась на две части. Одна страстно меня ненавидела – как ты понимаешь, это были профессиональные музыканты, и для них я – дилетант, покушающийся на святое. Вторая совершенно восторженно комментировала тот мой единственный портрет, который я играла на экране, и возмущалась, что режиссеры не используют эту возможность.

В некотором смысле все сказанное вовсе не было враньем: Давид и иже с ним вполне могли бы сойти за первую часть тусовки, а пророк с набережной – за вторую. Но зачем Антону знать о таком соотношении сил?

– Представляешь, они так громко спорили, что на другом конце Москвы их услышал мой бывший муж.

Упрямая девица уже наносила крохотными мазками тональный крем вокруг губ Антона, поэтому тот только согласно замычал: дескать, знаю я твоего бывшего, ныне режиссера.

– Не мычи, я поняла. Тогда ты, наверное, знаешь, что он собирается снимать новый фильм – естественно, со мной. Так вот теперь он решил использовать мою игру в фильме на полную катушку.

– И? – гример продолжала заниматься губами Антона, поэтому у него получилось что-то вроде «Ым?».

– Так что вполне можешь и порезвиться над моим непрофессионализмом и наглостью, и повосхищаться своим собственным портретом прямо в эфире. У тебя же он, небось, на телефоне имеется?

Еще три минуты Антон задумчиво любовался своим отражением в зеркале, прикидывая степень привлекательности Кириного предложения. Наконец его упрямая дева начала собирать свои кисточки, и он не слишком заинтересованно кивнул:

– Хорошо, я подумаю.

Тут и Кирина аристократичная дама закончила подводить ей губы, и Кира получила возможность добить Антона:

– А хочешь, я Светку Тополеву уговорю к тебе прийти? Причем так, что она будет согласна говорить о чем угодно?

– Конечно, хочу! – оживился Антон, давным-давно мечтавший уложить на кушетку эту страшно самолюбивую кинодиву.

Кира хладнокровно спросила:

– Меняемся? Ты просто немного поговоришь о моих портретах, и после Нового года Светка – твоя.

– Да конечно, меняемся! О чем разговор?!

Кира ослепительно улыбнулась, глядя в зеркало Антона:

– Я всегда знала, что ты умный.

– А я всегда знал, что ты нахальная, – обреченно вздохнул Антон. – Шантажистка.

– Вуайерист, – нежно проворковала Кира, отблагодарила своего гримера быстрым поцелуем в щеку и отправилась на площадку.

...Все прошло как нельзя лучше.

Сначала Антон ехидно разглагольствовал на тему Кириного прозвища, не преминув поиздеваться и над ее нахальством, и над сомнительным вкусом. Потом без всякого стеснения

прошелся по нескольким условно болезненным точкам ее биографии, и только потом с загадочным видом (лежавшая на кушетке Кира, естественно, ничего видеть не могла, но в выражении его лица даже не сомневалась) произнес:

– Конечно, в классическом психоанализе никакая музыка не используется, но мне хотелось бы немного нарушить традиции...

И в студии зазвучала та музыка, которую года три назад Кира сыграла Антону на какой-то вечеринке. У не вполне трезвого Антона тогда случилось обострение общего недовольства жизнью, и он долго втолковывал ей, что пора телевизионщикам перестать считать себя властителями дум. Уже к тому моменту ему, востребованному ведущему, отнюдь не приходилось жаловаться на судьбу, и в его горестных сетованиях Кира внезапно услышала тоску по молодости, когда Антон самозабвенно занимался журналистскими расследованиями. Сейчас в его отлаженной, обеспеченной, интересующей всех и вся жизни ему, видимо, страшно не хватало того азарта, увлеченности, риска и прочих увлекательных вещей.

Вот тогда-то Кира и потащила его к роялю, стоявшему в углу ресторанного зала. Антон, продолжая тоскливо бурчать, не понимал, что происходит, пока она не заиграла, глядя ему в глаза. Сперва на его лице явственно читалась легкая досада, потом – удивление, потом – растерянность... Как бывало почти всегда, дослушав до конца, он смущенно спросил:

– А как ты поняла?..

Кира обожала именно такую реакцию. Подобные слова для нее были слаще любых похвал и восторгов, хотя отвечать на них она так до сих пор и не научилась. Они означали и то, что она прочитала все правильно, и то, что у нее получилось выразить прочитанное совершенно явственно.

Когда музыка отзвучала, Антон торжествующе заявил:

– Для тех, кто не понял – это музыка нашей Валькирии. Более того – это написанный ею музыкальный портрет. И уж совсем кошмарно то, что это – мой портрет.

Потом он задиристо приставал к Кире с тем, почему она никогда всерьез не училась музыке, считает ли она, что можно что-то делать хорошо, не владея при этом даже азами ремесла, уважает ли она тех певцов, писателей и прочих, кто бестрепетно рвется сниматься в кино, и не становится ли сама похожей на них со своими музыкальными опытами... Со времен окончания школы друзья вполне прилично натренировали Киру отбиваться от подобных наездов, и она справилась, даже не подняв головы с кушетки – кстати сказать, весьма неудобной.

Затем на экране появился тот эпизод из «Песен разводящихся», в котором Кира играла портрет своего партнера. Ей по-прежнему ничего не было видно, но она восхитилась оперативностью команды Антона, успевшей отыскать нужный фрагмент. Бородатый «Теле-Фрейд» поговорил еще и об этом: дескать, он сам терпеть не может непрофессионалов, и при любых других обстоятельствах сказал бы, что человек, пытающийся играть на фортепиано и при этом категорически отказывающийся учиться – это смешно до нелепости, но здесь...

Самое главное Антон сказал напоследок:

– В общем, я даже не знаю, как сам отношусь к тому, что сейчас скажу... Но все-таки скажу. Сегодня до меня дошел слух, что наконец-то один из режиссеров решил построить целый фильм на этой странной способности нашей сегодняшней гостьи. Валькирия, когда начинается работа над фильмом?

– Сразу после Нового года, – скромно поведала Кира.

– Не знаю, как наши зрители, но я буду ждать с нетерпением. Честное слово, Валькирия! Я редко говорю честно, как ты знаешь, но сейчас действительно буду, – ухмыльнулся Антон и произнес финальную фразу:

– Итак, друзья, сегодня у нас в гостях была Кира Бестенева, которая, как и все в нашем шоу, говорила о том, о чем она и сама-то думать боится. Наша кушетка ждет новых клиентов! До встречи!

Сквозь привычную суету, начавшуюся после команды «Стоп мотор!», Кира заспешила к выходу: через полтора часа у нее начиналась своя съемка.

– Стой, Валькирия! – заорал Антон, отмахиваясь от своего ассистента и на бегу выдергивая из-под рубашки микрофон.

Кира приостановилась.

– Ты куда? А поцеловать? А переспать?

– А без секса перекантоваться? Антоша, спасибо тебе, ты был великолепен. Прости, не хотела тебе мешать. Я все помню: Тополева твоя. И я тоже твоя навеки. Когда эфир?

– Думаю, через неделю. Во всяком случае, обычно бывает так. Тебе обязательно позвонят.

Она чмокнула Антона и уже на ходу, не оглядываясь, помахала рукой:

– Прости, опаздываю на смену!

По пути до общей гримерки, где она оставила пальто и сумку, Кира раз двадцать поблагодарила разных людей, говоривших, что она прекрасно выглядит, говорит, играет, держится и так далее, с кем-то расцеловалась, с кем-то просто обнялась и влетела в гримерку уже на исходе своих коммуникативных возможностей. В кресле перед зеркалом уже сидела в ожидании гримера Кирина партнерша по работе в одном из сериалов – беспардонная и громогласная Татьяна Мигулис, прославившаяся тем, что регулярно и беззастенчиво обследовала чужие сумки. Не корысти ради – ни в коем случае! Просто из чистого детского любопытства... Со всей доступной ей информацией об актерах, режиссерах и других занимательных людях она обходилась с той же легкостью.

Кира осторожно обследовала свою сумку – вроде бы все в том же порядке, в каком было. Опасность, как оказалось, нагрянула с другой стороны.

– Валькирия, деточка, а ты его хоть видела-то?

– Кого? – пока еще не слишком вдумываясь, пробормотала Кира, натягивая пальто и обматываясь шарфом.

– Как кого? Маньяка твоего! Видела?

Кира замерла, забыв поправить закрывший ей пол-лица шарф, потом кое-как привела всю себя в порядок и бесстрастно уточнила:

– Какого еще маньяка?

Татьяна пришла в полный восторг:

– Так ты еще ничего не знаешь?! погоди, сейчас покажу... – и начала рыться в своей огромной дорожной сумке.

Кира сделала несколько напряженных шагов вперед, но тут в гримерку ввалилась целая толпа, и Татьяна немедленно переключилась на кого-то из них:

– Мой дорогой, как же здорово, что ты здесь! Я давно хотела с тобой поговорить...

Или ждать, пока она наговорится и наобнимается, и точно опоздать на съемку, или прерывать нежную встречу и на глазах у всех присутствующих рассматривать что-то, что Татьяна собиралась извлечь из своей необъятной сумки. Нет уж, лучше просто уйти. Если Татьяна не брякнула какую-то глупость просто ради забавы – значит, то же самое уже наверняка знает кто-нибудь еще. Уж что-что, а информация в киношно-телевизионной среде распространяется со скоростью свихнувшегося звука.

И Кира в не самом спокойном расположении духа торопливо вышла из гримерки.

... На смену она все-таки опоздала, пусть и не так уж крамольно. Во всяком случае, режиссер до состояния истерики еще не дошел, да и группа еще отнюдь не сидела без дела. Однако появление Киры произвело несколько неожиданный эффект: редактор Ольга с непривычно

сочувственным видом быстро зашагала ей навстречу, кто-то зашушукался, а кто-то просто таранился на Киру так, будто это был не один из последних дней съемок очередного сериального сезона, а самый что ни на есть первый, когда все еще только пытаются друг в друге сориентироваться.

– Валькирочка, ну почему ты ничего нам-то не сказала? – расстроено прошептала Ольга, хватив Киру за рукав и таща ее за собой в сторону от остального народа.

– Да о чем?! – возмутилась Кира. – Что вы меня сегодня все интригуете? Что случилось-то?

– Да ладно! Ты правда ничего еще не видела?!

Ольга замедлила шаг и начала рыться в сумке – точь-в-точь так же, как давеча Татьяна Мигулис.

Ну вот, недолго старушка Кира мучилась от информационного голода. Сейчас ей все всё объяснят и даже покажут. Вот только что именно?

Ольга несколько раз потыкала пальцем в экран своего вызывающе зеленого телефона, немного подождала и удовлетворенно кивнула:

– Вот, смотри.

На экране шли кадры из недавнего фильма, в котором Кира играла затравленную всеми окружающими «белую ворону», которая в какой-то момент набирается смелости рассказать случайному человеку обо всех своих горестях. Помнится, эпизод снимали долго – так, что Кира выплакала, наверное, пару литров слез. Только сейчас с небольшого экранчика звучали совсем не те слова, которые она произносила в фильме:

– Я больше не могу, слышите?! Не могу? Он преследует меня, я просто до обморока боюсь! Он угрожает, что, если я обращусь в полицию, все будет еще хуже! И я знаю, он сможет придумать еще хуже!

Дальше следовали разнообразные вариации на ту же тему, из которых Кира с немалым трудом выяснила, что ее, оказывается, уже долгие месяцы преследует ужасный маньяк.

К этому моменту вся остальная группа уже потихоньку сползлась поближе и приготовилась со вкусом лицезреть неожиданный аттракцион.

Экранная Кира закончила истерить, и ее изображение сменилось привычной страничкой соцсети.

Реальная Кира тяжело вздохнула и подняла на Ольгу усталый взгляд:

– Оленька, солнышко, ты первый месяц замужем, что ли? Какой маньяк?! Какие угрозы? Редактриса растерялась:

– Так ты же сама на моем дне рождения говорила...

Ах вот оно что... Понятно, откуда ноги растут. Интересно, кто же тогда слил информацию? И кто сейчас развлечся, сотворив из того простенького Кириного вопроса к присутствующим целое шоу?

Да впрочем, какая разница. Мало ли желающих...

Но почему ей самой ни разу не приходила в голову эта идея? Казалось бы, все так очевидно, уж сколько актрис через это проходили – всего лишь какой-то фанат, у которого крышу ураганом сдуло. Вот вам и весь розыгрыш.

Она прислушалась к себе – внутри медленно разливалось тихое блаженство.

Однако разлиться до конца этому блаженству так и не удалось: помешали новые вопросы.

Ладно, пусть фанат. Пусть даже маньяк, хотя это звучит как-то немного слишком. Но как этот чертов фанат мог знать про портреты, если она сама сегодня в первый раз произнесла с экрана это словосочетание?! И откуда у маньяка ключи от ее квартиры?..

5 декабря

К своему дню рождения Кира относилась весьма сложно. Почему-то с самого детства она мечтала о каких-то невероятных сюрпризах в этот день. Ей представлялось, как кто-нибудь из близких или знакомых поймет, чего она хочет настолько сильно, что даже думать об этом боится, и ухитрится устроить для нее именно это. Вряд ли она смогла бы сказать, что бы это такое могло быть, но каждое утро в день рождения чего-то эдакого ждала. И, конечно же, ничего эдакого не происходило. А может быть, и происходило – только ей не удавалось это распознать, поскольку она все равно не знала, как «эдакое» должно выглядеть.

Даже когда она окончательно стала своей в эксцентричной тусовке киношного мира, и поздравлять ее стало какое-то немыслимое количество людей – все равно никаких особых именинных неожиданностей с ней не случалось. Но ждать их она не переставала – просто теперь ее ожидание с самого утра было окрашено предвкушением вечернего разочарования.

Сегодняшнее же утро и вовсе началось печально: Кира умудрилась проснуться за полчаса до будильника. Засыпать снова было глупо, а вставать – холодно. Кира почти всю зиму спала с распахнутым настежь окном, и утреннее вылезание из-под одеяла каждый раз становилось поводом восхититься собственной силой воли.

Свет включать не хотелось: после отлучения Ирины Сергеевны от домоправительных обязанностей Кирина квартира глаз не слишком радовала. Поэтому Кира лежала, глубоко закопавшись в недра одеяла, и перебирала в уме события последних недель.

Ничего особо приятного там не обнаруживалось. Все было по-прежнему непонятно – хоть с маньяком, хоть без него. И еще было противно думать, что кого-то из знакомых она раздражает до такой степени, чтобы тот (или та?) смонтировал этот дурацкий пост с Кириными жалобами на маньяка. Никаких расследований она производить не намеревалась: все равно ничего хорошего из этого не выйдет. Ну узнает она, кто этот доброжелатель – и что? Морду ему бить будет? Ответную пакость измыслит? Разговаривать перестанет? А смысл? Но представить себе, что кто-то из знакомых будет продолжать невинно общаться с ней, обниматься при встрече и при этом считать ее полной дурой, не способной даже вычислить автора сетевой гадости... Тоже радости мало.

Пожалуй, и от оркестра, как она иногда называла про себя друзей детства, в этом году ничего особо интересного ждать не приходится. Давид теперь пальцем не пошевелит – не то что языком! – пока она не извинится за свой ор по телефону. Кавказский мужчина, мать его.

Петька, ясное дело, вечером будет раз в десять минут звонить Кире на домашний телефон, чтобы, когда она появится дома, нагрязнуть с поздравлениями. А что там надумают Воронины, и вовсе непонятно.

Зато удачно получилось, что сегодня – последняя смена сезона.

Сериал, в котором Кира снималась уже третий год, был калькой с американского и для нее оказался удобен тем, что каждый сезон состоял всего лишь из восьми серий: пара месяцев работы каждый год – и свободна для дальнейших свершений. Правда, история немного диковатая: журналистка, которую в тринадцать лет изнасиловали, став взрослой, решает, что способна по каким-то мельчайшим деталям распознать педофила в любом самом добропорядочном гражданине. Вот с тех пор она и ищет скрытых педофилов в высших кругах общества. Разумеется, другие круги общества ее не слишком интересуют: кто ж про них будет что-то расследовать?! И при этом она еще надеется отыскать своего насильника, что вносит дополнительную круто перченую нотку в ее журналистскую активность. Вполне адекватной журналистку не назовешь, но так уж повелось, что Кире регулярно доставались роли женщин талантливых, слегка сумасшедших и потому хронически несчастливых.

И сегодня как раз был священный день окончания сезона, уже второй раз совпадавший с Кириным днем рождения – да еще и запланированный на павильон, а не на натуру. Кира подзревала, что это совпадение было отнюдь не случайным: съемочная группа сериала относилась к ней настолько нежно, насколько это вообще возможно в их среде. С самого утра на площадке

будет наблюдаться острый дефицит всяческих ассистентов, которые будут отряжены обеспечивать вечернее празднество. Ох, ждать Петьке ее появления дома до рассветных сумерек... Впрочем, в прошлый такой раз он все-таки дождался...

К утреннему кофе в день ее рождения традиционно полагались ее любимые эклеры с шоколадным кремом – и черт с ней, с фигурой. Не сегодня об этом думать.

Вторым относительно праздничным штрихом было нанесение макияжа, чего в обычные дни перед съемками она, разумеется, никогда не делала. В результате ее отражение в зеркале перед уходом было главной сегодняшней приятностью – если не считать нескольких десятков электронных и телефонных поздравлений от не самых важных или даже совсем не важных людей.

...Выйдя из подъезда, Кира замерла вместе со своим сердцебиением.

Прямо перед подъездом на асфальте была нарисована большая красная стрелка с надписью рядом «Тебе туда».

Кире, конечно же, было совсем не туда: ее машина стояла с другой стороны дома, а стрелка указывала в сторону дорожки вдоль набережной. Но это казалось такой ерундой по сравнению с возможностью...

Да что тут думать, в конце-то концов?! Кто посмеет высказывать претензии имениннице, если она и опоздает на несколько минут? Или даже на полчаса?

И Кира осторожно, стараясь не очень надеяться, двинулась туда, куда требовала стрелка.

Добравшись до совершенно пустой в этот час дорожки (практически все жители близлежащих домов по утрам добирались до своих работ другими путями, ведущими к стоянкам автомобилей, метро и прочему транспорту), Кира огляделась и обнаружила вторую такую же стрелку с такой же надписью, ведущую налево.

Хорошо, пойдём налево.

Стрелки повторялись каждые двадцать-тридцать метров, и Кира умилилась трудолюбию автора неведомого сюрприза: полночи, небось, пришлось возиться...

Она уже почти совсем перестала опасаться, что ее надежда снова, как и во все предыдущие дни рождения, не оправдается, как вдруг обнаружила, что на лавочке, маячившей за очередной стрелкой, что-то лежит.

Нет, там точно что-то лежит – что-то трогательно голубенькое с красным...

Кира ускорила шаг, миновала последнюю стрелку и застыла рядом с многообещающей лавочкой.

На ней стоял маленький игрушечный рояль.

Поверх голубой крышки тем же красным цветом, что и на стрелках, крупными кривыми буквами было написано «Ха-ха!».

Кира, не обращая внимания на знакомый ледяной взрыв внутри, осторожно шагнула (впрочем, скорее дважды медленно переставила ноги) в сторону лавочки.

Рояль был похож на музыкальную шкатулку. Во всяком случае, сбоку торчал такой рычажок, какой бывает у таких шкатулок. Повертишь рычажок, откроешь крышку – играет.

Кира аккуратно попробовала крутнуть рычажок. Он был заведен – или, может быть, сломан.

Открыть крышку? Или опасно?

Но если не открывать, то смысл послания так и останется неясным.

Да ладно, чего притворяться-то? Если посмотреть на всю цепочку событий – все вполне ясно. Не ясно только, за что так уж сильно лупить. Тогда зачем вообще этот злобный рояль открывать?

Нутряной холод мучил все сильнее, и Кира все-таки открыла крышку.

Ну конечно, «Мой милый Августин». Помнится, еще в детстве у всей их компании эта безобидная мелодия была символом примитива, банальности и пошлости – не только музыкальной.

Кира бессильно задохнулась, скривившись от отвращения, схватила игрушку и побежала назад по дорожке – туда, где можно было спуститься по лестнице с крутого склона к набережной.

Рояль все время норовил выскользнуть из рук, но Кира каждый раз успевала его поймать, шепотом, но очень грубо ругалась, подхватывала поудобнее и все ускоряла и ускоряла шаги...

Сбежав по лестнице к реке, она, не глядя по сторонам, метнулась через дорогу. Слева кто-то яростно засигналил, но звука отчаянного торможения не последовало – значит, машина была еще довольно далеко, и Кира помчалась дальше.

Почти врезавшись в парапет набережной, она прямо с разбегу швырнула рояль в Москва-реку. На лету рояль обиженно взмахнул крышкой и шлепнулся в густую темную воду – даже на вид ледяную.

...Хоть она и опаздывала больше, чем на полчаса, но гнать не решалась: боялась потерять контроль – то ли над автомобилем, то ли над собой. Думать ни о чем даже не пыталась: было ясно, что ничем хорошим такие попытки сейчас закончиться не могут. Просто рассеянно слушала какие-то радиоголоса, доносившиеся из динамиков.

Нужно было как-то успокоиться и отвлечься от главного вопроса: зачем? Зачем это все – причем с таким явным перебором?!

Кира привычно начала дышать, одновременно размеренно считая про себя: раз, два, три, четыре – вдох, раз, два, три, четыре – выдох...

Внезапно радиоголоса перекрыл восторженный «Турецкий марш». Эта мелодия стояла у нее в телефоне на все незнакомые номера.

Кира подумала несколько секунд – стоит ли отвечать? Все, кто хочет поздравить, в данный момент ее биографии лучше бы шли лесом и даже болотом. Те, кому особо надо обозначить свое равнодушие к эротичной и любимой народом актрисе, смогут перезвонить попозже. А если и не перезвонят – спасибо им за это.

Но в порядке реанимационных мероприятий Кира все-таки нажала кнопку на руле и не слишком теплым голосом сказала:

– Аллю, слушаю вас.

– Кира Викторовна? Здравствуйте. Это Надежда, исполнительный продюсер с «Не справившейся». Вам удобно разговаривать?

Совсем не удобно. Но уж раз ответила...

– Говорите, я слушаю.

Голос у Надежды был напряженный, и говорила она медленно, словно с трудом подбирала слова:

– Вы уж извините, тут такое дело... В общем, Олег Семенович снял вас с главной роли в фильме.

От неожиданности Кира вдавила педаль газа, и машина, недовольно рывкнув, прыгнула вперед. Опомившись, она сбавила скорость и начала искать место для парковки.

– Одну секунду, Надежда, я припаркуюсь... Вот, все, встала. Теперь давайте все с начала. Откуда он меня снял? Что это еще за новости?!

Было слышно, что ее собеседница быстро куда-то пошла, стуча каблуками, потом хлопнула дверь, и все посторонние звуки исчезли.

– Кира Викторовна, вы же понимаете... Он меня выгонит...

– Да ладно, не выгонит, – нетерпеливо перебила ее Кира. – Что там произошло?

– Он вчера вечером посмотрел ваш эфир в «Теле-Фрейде» и так жутко матерился...

Орал, что ни одна... ну в общем, ни одна актриса не будет ему диктовать, что делать.

Ну да, конечно – «ни одна актриса»... Кира легко могла себе представить, как именно выразился ее бывший благоверный.

– Он сначала хотел сам вам позвонить, но я не дала, – полушепотом продолжала отважная Надежда. – В общем, он уже связался с Анечкой Типченко, и она дала согласие.

Что там дала Анечка Типченко? Согласие?! Вы только подумайте... Еще бы она этого согласия не дала! Сниматься у Олега после его победы на Ташкентском фестивале, да еще вместо самой Киры Бестеневой...

– Надежда, скажите, пожалуйста, – ласково начала Кира, остро ненавидя себя за эту ласковость и вообще за то, что спрашивает, – это окончательное решение? А то вы же знаете Олега... Семеновича, правда? Он поорет, поорет и раскается...

В трубке прошуршал сокрушенный вздох Надежды: видимо, та была ярой поклонницей Киры и вовсе не пришла в восторг от происшедшего.

– Боюсь, нет, Кира Викторовна. Я честно старалась его переубедить, так он меня тоже далеко послал, и не один раз. Сказал, что если еще и я попытаюсь что-то ему впарить, то он вообще не знает, что со мной сделает. Если что-то изменится, я, конечно же, позвоню, но... Вряд ли.

Кира замороженным голосом поблагодарила бедолагу Надежду, оказавшуюся между двух огней, распрощалась с ней, удовлетворившись ее обещанием позвонить «если вдруг что», и отключилась.

Посидела немного, провожая взглядом красные фонарики проносившихся мимо нее автомобилей.

Потом посидела еще немного. Потом неловким движением повернула ключ в замке и медленно тронулась с места.

...Съемочный люд, похоже, еще не обогатился жареной информацией: никаких сочувственных или, наоборот, жадно-любопытных взглядов, никаких двусмысленных фраз, никаких вопросов... Все радостно кинулись к ней обниматься и поздравлять, деликатно обходя тему ее почти часового опоздания. Один из ассистентов, собиравшихся на охоту за продовольствием, попытался обсудить с ней запланированное меню, но она, машинально улыбнувшись, просто пообещала потом оплатить половину потраченной суммы. Ассистент несколько удивился такому полному отсутствию у Киры интереса к празднованию собственного дня рождения, но послушно исчез.

Пока Анечка, притихшая от вида пустых Кириных глаз, пыталась сделать ее лицо хоть сколько-нибудь приемлемым для камеры, Кира отчаянно повторяла свой текст в сегодняшних эпизодах. Обычно это помогало ей собраться.

Потом в психотерапевтическую деятельность включились камеры: на их присутствие Кира всегда реагировала, как кот на валерьянку.

Тем не менее, первые два эпизода прошли под знаком крайнего изумления режиссера: такой разобранной на детали Кира на площадке еще не появлялась. Потом она все-таки сумела собраться и к концу дня играла даже с некоторым блеском. Правда, к этому самому концу начала разваливаться остальная съемочная группа, почуявшая ароматы грядущего застолья. То и дело дубли срывались из-за шума в коридоре: это прибывали гости. Кто-то жаждал поздравить Киру с днем рождения, кто-то – всю группу с окончанием очередного сезона, но все они почему-то ухитрились появляться именно после команды «Начали», вызывая бурное негодование звукооператора.

Как всегда в таких случаях, именно последний эпизод, самый короткий и крайне эмоциональный, снимался дольше всего и с максимальным количеством дублей. В итоге сакраментальное «Всем спасибо» прозвучало под дружный рев изголодавшегося народа.

Все немедленно рванули по лестнице на первый этаж, где прямо в холле уже был накрыт роскошный стол.

Кира медленно прошла по темному опустевшему павильону, заглядывая в потухшие глаза камер. Больше всего на свете ей сейчас хотелось уехать домой и никого больше не видеть.

Ну вот еще! Не хватает только демонстрации собственной истеричности и непредсказуемости. И так завтра-послезавтра каждая собака будет знать, что Бестеневу сняли с роли из-за того, что она посмела посягнуть на авторитет режиссера. Да еще и этот ролик в Интернете... Можно хоть каждому встречному втолковывать, что это чистойшей воды фейк – ничего не поможет. Как известно, неважно, украли ты ложки или просто на них посмотрела...

В освещенном проеме двери возникла фигура редактрисы Ольги. Она крутила головой, видимо, пытаясь отыскать в темноте Киру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.